

ОЛЬГА ВЕЧНАЯ

ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС

Порочная власть

Ольга Вечная

Личный интерес

«Автор»

2026

Вечная О.

Личный интерес / О. Вечная — «Автор», 2026 — (Порочная власть)

— Мне говорили, что с судьей нужно решать дела через ее правую руку. Как там зовут помощника? — Александра Дмитриевна Яхонтова. Грамотная, держит дистанцию. Через неё идёт всё: черновики, служебки, даже чашка кофе. Но взятки? - морщусь. - Если это так, я выясню. — Да-да, та самая серая судебская мышь. — Правильные черты лица, отличная дикция, талия шестьдесят сантиметров и длинные волосы. Это, по-вашему, мышь? — А у вас, Савелий Андреевич, к ней как будто есть личный интерес? Резко поправляю: — Исключено. Есть такое понятие, как адвокатская этика. Но я проверю: если она играет грязно, то мы тоже, с удовольствием, в игру эту поиграем. *** Савелий Исхаков - харизматичный адвокат, который не гнушается использовать лазейки в законе для защиты криминальных элементов. Он берется за самые разные дела и славится умением превращать чужие ошибки в собственные победы. Когда Савелию намекают, что с новой судьей можно договориться через помощницу - серую "мышку" Александру Яхонтову, он немедленно приступает к задаче. Вот только к Александре не так просто подступиться. Умная, холодно-сдержанная, принципиальная — Саша держит дистанцию и не даёт повода усомниться в своей честности. Чем больше Савелий и Саша узнают друг друга, тем сложнее становится отличить слухи от правды, а расчет - от личных мотивов. В мире, где на кону большие деньги, власть и репутации, самый опасный мотив — это личный интерес.

© Вечная О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	50
Глава 13	52
Глава 14	56
Глава 15	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Вечная

Личный интерес

Все вымышлено. Любые совпадения случайны

Глава 1

Александра Яхонтова

– Буква Ф похожа на пенис! – радостно заявляет племянник Матвей.
Моя мама, преподаватель консерватории, демонстративно хватается за сердце.
Малыш смущенный, он моментально догадывается, что ляпнул что-то не то. Смотрит на меня вопросительно-испуганно.

– Правильно, – успокаиваю я, рассмеявшись. – Блестящая аналогия.
– Саша! – ахает мама. – Ты чему учишь Матвейку?
– Но ведь и правда похожа! – смеюсь я, собирая документы в сумку. – Особенно если палочку в строчной букве длиннее сделать.

– Вовсе не обязательно! – кричит невестка Люба из ванной.
– Эй там, молчи, женщина! – отзывается братишка Коля, он же муж Любы, и я хохочу.
– Мир сошел с ума, – шепчет мама. – И это началось в моем доме.
– Матвею всего шесть исполнилось, все грязные мысли – только в твоей голове, – радую я родительницу.

Бедная мама плюхается на стул.
– Я вас не так воспитывала! – восклицаем мы с Колей хором.
Он, подпирая косяк плечом, чистит зубы. Обращается ко мне:
– Откуда тебе-то знать про длину палочек, умница Саша? Ты видела хоть раз?
– В учебнике биологии. Говорят, в жизни они такие же неказистые, как у твоего сынишки в прописи.

Шутка о том, что у меня нет личной жизни, самая любимая в семье.
Наклоняюсь над Матвеем, беру ручку и показываю, Матвей тут же пытается повторить.
Он классный, крайне любознательный мальчишка. Я чмокаю его в щеку и спешу к выходу.

Родных я люблю, мы дружные. Но с тех пор, как Коля с женой и сыном временно переехали к нам с родителями, жизнь стала максимально насыщенной. В малогабаритной трешке не осталось угла, где можно посидеть в тишине или сохранить порядок.

Это стало бы настоящим испытанием, если бы не мой безумный рабочий график. Я устроилась в суд сразу после университета – сначала секретарем, потом перешла в помощники.

И тем самым нарисовала большую букву Ф на личной жизни.
Раскрою секрет: в прошлом году я блестяще сдала экзамен на должность судьи и недавно у нас как раз появилась вакансия. Назначение изменит все.

Держите за меня кулачки, умоляю. Глупо, но я поставила на карьеру всю свою жизнь.
Что сделаю первым делом? Конечно же, закончу ремонт в собственной квартирке. Она такая крошечная, что даже с котом в ней было бы тесно, но зато только моя. Личный угол, где будут книжные полки до потолка и кофемашина. Идеально.

* * *

Я избегаю по лестнице на свой этаж и первым делом здороваюсь с очаровательными приставами.

Пью остывший кофе, пока запускается компьютер.

В этот момент в кабинет заглядывает Илья Дождиков, мой коллега. Он, как и я, помощник судьи. Мы на одном уровне, более того, конкуренты на место, и это ощущается в воздухе.

– Доброе утро, Яхонтова. Ты сегодня рано.

– Ты тоже, что подозрительно, – мягко язвлю я.

Рабочий день нашего судебного аппарата должен начинаться в девять, но из-за непомерной нагрузки, чтобы успеть подготовиться к заседаниям, мы вынуждены приходить в восемь, а то и раньше. Не все, разумеется. Дождиков встречается с дочкой прокурора – ему можно вообще не приходить. Такое уже случалось, и все сделали вид, что не заметили.

– Работы много, – вздыхает он. – Кстати, Кристина заболела, ты ее подменяешь. Твоя очередь знакомиться с Адвокатом дьявола лично. Его дело у твоей судьи.

Я торопливо просматриваю списки участников: все верно, Исхаков С. А.

– Кристина же на прошлой неделе болела, – бормочу недовольно.

Она как раз и есть та самая дочка прокурора, и по совместительству секретарь моей судьи. Когда Кристина отсутствует, я вынуждена выполнять и ее работу тоже, и это полная катастрофа. Вечером по расписанию гончарный кружок – придется отменить. Не успею.

Дождиков сочувственно смотрит на меня:

– Не справляешься с нагрузкой?

От бессилия я в первую секунду не могу найтись с ответом. Потом, правда, нахожусь:

– Ты что с ней ночами делаешь? Девчонка болеет по две недели в каждом месяце. Прекратите это!

Дождиков смеется и подмигивает.

– Когда я стану судьей, я тебя заберу к себе, умница Саша. Отсутствие личной жизни и запредельная ответственность – именно то, чего мне будет не хватать в команде.

Я хочу ответить, но в коридоре мелькает Савенко, моя судья, и я подрываюсь с места.

– Александра, ты готова?

– Более-менее. – Собираю документы в кучу. – Я ничего не успеваю, Кристина очень часто болеет. – Стреляю глазами в Дождикова, который через секунду испаряется.

– Но ты же справишься? Не подведешь?

– Конечно.

– Умница Саша, – довольно улыбается Савенко. – Будь готова к девяти пятнадцати.

Я возвращаюсь глазами к монитору. Нужно успеть проверить поступившие дела – почта битком.

Открываю блокнот и рисую буквы Ф. И кривые, и ровные. А потом одну здоровенную на всю страницу.

Вот он – символ моего понедельника. И того, что лежит на личной жизни и хобби.

Немного потерпеть осталось. Совсем капельку.

* * *

Итак, Исхаков С. А.

Этот мужчина появился из ниоткуда несколько месяцев назад, но уже обрел славу адвоката дьявола. Во-первых, внешность. А именно – рост под два метра и глаза, алчущие, горящие жадой успеха. Плюс бесстыже дорогая машина, даже лучше, чем у моей судьи.

Столь броских персонажей к нам заносит нечасто. Адвокаты обычно выглядят... хм, слегка иначе. Он не женат, из-за чего перебаламутил практиканток и стал объектом обсуждений в курилке.

Во-вторых, Исхаков С. А. берется за разные сомнительные дела и выигрывает. У судьи, работающей с Дожиковым, он отбил явного афериста, у которого все отказывались брать иск. Говорят, еще и компенсацию выкрутил, но я не вникала. А у другой моей коллеги он защищал права многодетной матери-одиночки, у той денег не было доехать до нас на метро, не то что нанять адвоката.

Всем было интересно, когда и с чем Исхаков появится снова.

* * *

Кабинет, в котором работает Савенко, мне нравится. Новый ремонт, просторное помещение. Здесь есть воздух даже спустя несколько часов работы.

После университета я начинала секретарем и прекрасно знаю, как вести протокол судебного заседания. Работа довольно нудная, не зря Кристина при любой возможности скидывает ее на меня.

В зал заходят представители сторон по первому делу. Юриста истца я знаю неплохо, он часто к нам наведывается. А вот второй мужчина – фигура новая.

По мере его приближения наши взгляды сами собой поднимаются. Потому что слухи не врут – Исхаков высоченный!

Серьезно.

Без преувеличения.

Я делаю усилие, чтобы не бросить взгляд на Савенко, – уж очень хочется обменяться мнениями.

Навскидку – под два метра, едва ли меньше.

Машинально выпрямляю спину и расправляю плечи.

Белоснежная рубашка, черные брюки с идеальными стрелками, начищенные до блеска туфли.

Он подходит ближе и приветливо улыбается:

– Добрый день, уважаемый суд, секретарь заседания. Савелий Исхаков, адвокат ответчика. Это наше первое совместное заседание, постараюсь произвести правильное впечатление.

Я мгновенно напрягаюсь: такие адвокаты обычно бывают либо хамоватыми, либо излишне напористыми. Разницы нет, оба варианта добавляют проблем.

– Здравствуйте, присаживайтесь, – сухо отвечает Савенко.

Я включаю ноутбук, поправляю папки.

Так получается, что адвокат Исхаков садится напротив и принимается внимательно меня разглядывать. А когда наши глаза встречаются – не отводит свои.

Сама тоже не отвожу. В жизни не доставлю такого удовольствия!

Через десяток секунд во мне вспыхивает раздражение.

Помощник – не равный адвокату участник процесса, а представитель судебной власти, пусть и младший. Адвокат не должен себе такого позволять!

Но едва я об этом думаю, Исхаков С. А. опускает глаза, демонстрируя покорность. Оставляя меня в недоумении, раздосадованной и почему-то с колотящимся сердцем.

Глава 2

Итак, начинаем.

09:13.

Третий этаж. Зал № 308.

Судья Савенко не в настроении, а это значит, что я должна проявить инициативу. Как помощник, я не обязана присутствовать на всех заседаниях, но она часто приглашает меня на рассмотрение особенно сложных споров. Готовит к будущему.

Сегодня я также секретарь заседания. По факту: протоколист, хронометрист, переводчик с адвокатского на русский, а зачастую и буфер между чужими амбициями и законом.

Все еще злюсь из-за поведения адвоката ответчика.

Несмотря на опыт общения с самыми разными людьми, я позволила себе больше эмоций, чем хотелось. Не вслух, но внутри – да. Савелий Андреевич умеет раздражать даже тех, кто умеет не раздражаться, и это может стать проблемой для меня, претендующей на пост судьи.

Понимаю иронию Дождикова. Илья, видимо, уже прошел проверку Исакова, и ему это тоже не понравилось.

Он будет провоцировать. Мы справимся.

09:15.

Я открываю процесс и слегка улыбаюсь. В деле – все как мы любим. Государственное предприятие, у юриста которого на лице написано: «Мы милые, но душу вам вывернем». Частная компания, адвокат которой уверен, что зал суда – его персональная сцена.

Наряжался, готовился.

Сам спор на десятки миллиардов, а стороны до сих пор не согласовали опись имущества. И самое главное: в глубине души они надеются, что именно сегодня что-то решится.

Как мило.

09:16.

Савенко кивает мне:

– Начинаем. Кто у нас истец?

Першикова, юрист «ГрандРазвития», поднимается. У нее строгий костюм, тонкая папка и голос, как будто она лично подписывала Конституцию.

– Уважаемый суд, наш иск касается расторжения соглашения с ООО «ОливСтрой» в связи с многочисленными нарушениями. Денежные средства были распределены непрозрачно...

Я сижу и записываю в протокол. В голове рисую галочки: нарушили сроки, провели «оплату за консультации» через офшоры.

Вывод средств: м-м... предположительно.

Удачи, адвокат. Не будем поминать лихом.

09:26.

Встает Исаков С. А.

Надо отдать должное – вставать он умеет. Прямо, спокойно, с таким видом, будто сейчас не офшор защищает, а вручает Нобелевскую по экономике.

Я вслушиваюсь и даже задерживаю дыхание.

– Уважаемый суд. Мы категорически не согласны с позицией истца.

Классика. Я почти разочарованно улыбаюсь. Исаков отзеркаливает и продолжает:

– Наши действия соответствовали заключенному инвестиционному соглашению... Бюджет проекта утверждался обеими сторонами... Более того, мой клиент самостоятельно профинансировал работы в период, когда «ГрандРазвитие» не обеспечило выполнение предусмотренных условий, а именно не предоставило инфраструктурные допуски...

Автоматически перевожу:

«Мы тратили, как хотели, потому что вы лили воду и тянули с разрешениями». Что ж. Приходится признать – умно.

А главное, труднодоказуемо.

– Также просим приобщить к материалам дела расшифровку аудиозаписи, сделанной в июне 20XX года на встрече представителей сторон, где зафиксирована договоренность о распределении обязанностей.

09:31.

Я вздыхаю. Аудиозапись. Господи, ну хоть не флешка на резинке, как в прошлый раз!

Савенко смотрит на меня. Киваю – записала.

Першикова подскакивает с места и шипит, как чайник:

– Ходатайствуем об исключении данной аудиозаписи! Не представлено согласие участников! Запись получена с нарушением закона!

Ну, понеслась.

Исхаков парирует невозмутимо:

– Уважаемый суд, мы прилагаем расшифровку, а не запись. Используем ее не как доказательство, а как источник анализа обстоятельств.

Голос у Савенко ровный, но в глазах – легкое раздражение:

– Решение по приобщению – в совещательной. Пока не приобщаю.

Я записываю. Исхаков косится в мою сторону.

В ответ я поднимаю бровь: да-да, представьте себе, не прокатило.

Он почти незаметно улыбается, и я хмурюсь.

Ему что, нравится, когда его стопорят? Или он что-то задумал?

Напряжение усиливается. Заседание длится менее получаса.

09:38.

Снова берет слово Першикова:

– Мы считаем, что ответчик пытается перевести спор в плоскость политического давления и скрыть истинную природу денежных потоков.

Классика номер два: вкинуть слово «давление», не поясняя чье.

Исхаков нетерпеливо закатывает глаза. Спорю, думает то же самое.

– Кроме того, хотим отметить, что истец неоднократно направлял уведомления, и все они остались без ответа.

Савелий Андреевич даже уже не встает, достаточно, видимо, освоился. Просто говорит из-за стола:

– Мы не обязаны реагировать на уведомления, не имеющие юридической силы. Я бы хотел напомнить, что нами подан встречный иск, и он тоже в производстве.

Савенко чеканит:

– Позиция понятна. Александра, зафиксировали?

– Зафиксировала, Гаянэ Юрьевна, – отвечаю я звонко.

09:45.

То ли улыбка, то ли бойкий голос, но что-то во мне будто бросает Исакову вызов. Потому что он вдруг поднимается, подходит к моему столу и пытается передать дополнительные материалы.

Прямо из папки.

Лично в руки.

Это выписка из реестра расходов по генподрядчику.

Обалдев, я отклоняюсь чуть назад:

– Только через канцелярию. С отметкой о входящем.

Савелий Андреевич таращится на меня, как водитель спорткара, которому впервые в жизни показали знак «Уступи дорогу». Дескать, вы серьезно?

Я продолжаю:

– Без подписи судья не примет.

– Я просто хотел, чтобы вы... – Он смотрит в упор.

– Я не принимаю документы.

Исаков застывает с папкой в руке. Пафосный момент разбивается об административный лед, мы снова друг на друга палимся. Зрительная атака адвоката ответчика плавно выжигает воздух вокруг, и мне становится душно.

Савенко уточняет, не поднимая головы:

– Все передается в порядке, предусмотренном статьей 41 АПК.

Савелий Андреевич бросает на меня еще один взгляд и возвращается на место.

Оказывается, все это время я так сжимала колени под столом, что они начинают болеть.

09:47.

Пауза. Все притихли.

Я почему-то ощущаю себя выжатой, хотя нет и десяти утра. Дописываю протокол, размышляя, что мы с Исаковым, к сожалению, теперь будем видеться часто. И то ли еще будет.

Из плюсов – заседание прошло без крика и визга, без ора «Ваше ходатайство – чушь!», а такое тоже случается.

Лишь спокойное, хищное перетягивание каната. Изматывающее, но при этом мне, в самой глубине души, как будто крошечную капельку было весело.

И довольно интересно, что Адвокат дьявола выкинет в следующий раз.

Глава 3

– Привет, Саш, ты как? – спрашивает по телефону моя лучшая подруга Маргоша.

– На самовывозе.

– Блин, я тоже. Ну и неделя.

Самовывоз – это когда собственными силами пытаешься вытянуть работу, быт, попытки стать женственной и удерживаешь при этом на плаву менталочку.

Иногда кажется, что между делами у меня нет ни мгновения, чтобы задуматься, что будет дальше. А может, мне просто страшно даже подумать? Я так устала... Бро-саю взгляд на полупустую чашку с остывшим кофе.

Обычно все меняется, когда звонит моя Марго. Мы обе нацелены на карьеру, вот только она, как визажист, получает за труд куда большие деньги и уже закончила свой ремонт.

Маргоша начинала в театре, затем стала подрабатывать на фотосессиях. Сейчас она ведущий визажист в популярном шоу на телевидении. Порой ее рассказы о наших звездах шокируют, но в целом работу свою она любит.

Прямо сейчас Марго возмущается:

– Ты что, правда не приедешь на занятие в гончарный кружок? Я только прочитала сообщение.

– Совсем не успеваю, работы много.

– Нельзя отменить два часа борьбы со стрессом. Там же Марианна будет, она лучше психолога!

– Да знаю, но... – Растерянно обвожу взглядом заваленный стол. От ноутбука болят глаза, и я кое-что распечатала. – Вообще никак.

– Тогда и я не буду лететь сломя голову. Перенесем.

– Прости. – Я снимаю очки. – Утонула в бумагах и в ближайшие пару часов не вынырну. Вместо того, чтобы заниматься документами днем, я вела протоколы на заседаниях.

– Кто везет, на том и едут, – отвечает Маргошка. – Знаешь такую поговорку?

Иногда она бывает жестока.

– Я знаю много разных пословиц и поговорок, но не представляю, как можно не выполнить свои обязанности, особенно если люди ждут.

В моей картине мира просто не может быть иначе. Судебная система нерушима, а обязательность – неотъемлемая часть жизни.

Вот сейчас будет сюрприз: мои родители – музыканты. Папа всю жизнь отдал театральному оркестру, и ему частенько, особенно в девяностые, задерживали зарплату. При этом не выйти и сорвать спектакль было чем-то невообразимым. Мама обучает игре на фортепьяно, и талантливые ребята, семьи которых не могут оплатить уроки, частенько занимаются у нее бесплатно. Должно же быть что-то важнее навару и прибыли? Как же чувство долга? Ответственность?

Братишка Коля тоже талантлив, он поет. Хотя сейчас переквалифицировался в ведущего, выступает на свадьбах и корпоративах. Когда есть семья, посвящать себя исключительно творчеству становится преступлением.

И да, я единственная Яхонтова без слуха и голоса, но зато с дотошностью и тягой к чтению. Друзья моих родителей – все сплошь талантливые – поначалу искренне мне сочувствовали. У меня нет комплексов по этому поводу, каждый должен находиться на своем месте.

Тем более что теперь я самый востребованный человек в семье: творчество творчеством, а без юридических споров прожить жизнь практически невозможно.

Мы с Маргошей болтаем еще некоторое время, пока я мою кружку. Подруга приглашает на пару мероприятий, посещать которые мне по статусу не положено, поэтому традиционно отказываюсь. Потом она вдруг спохватывается и умоляет прийти на презентацию книги.

– Серьезно? Не косметика? Не вечеринка? Просто книга? Ну ничего себе. Я заинтригована.

– Ура! Я тебя кое с кем познакомлю, вы понравитесь друг другу.

– Так. Стоп. С кем? Хотя ладно, мне некогда выяснять. Давай так, я постараюсь. Правда. В пятницу вечером.

* * *

Ложусь я так поздно, что следующим утром кажется, будто вместо пяти часов спала примерно ноль.

По пути в суд забегаю в кофейню, чтобы купить двойной капучино. И с удовольствием обнаруживаю в очереди на кассе Дождикова и Кристину.

У нее есть связи, и Савенко часто закрывает глаза на пропуски, но, видимо, прошлым вечером секретарь все же получила пару замечаний от отца-прокурора.

Парочка на месте даже раньше обычного. При моем приближении эти двое замолкают и улыбаются.

– Доброе утро, – здороваюсь. И добавляю искренне: – Кристина, мне тебя не хватало. Она весело смеется и хлопает меня по плечу.

– Ого, скучала?

– Без тебя было прям... как-то слишком организованно.

Кристина тут же передразнивает:

– Больше всех на свете по мне тоскует Александра, я так и думала.

– Еще как тоскует. Твоя хаотичная энергия стабилизирует коллектив.

– Вот видишь, Илья, я системообразующая.

Дождиков по традиции с утра не в духе. Хмыкает, отпивает кофе и буднично кивает в мою сторону:

– Как вчерашнее прошло?

– Какое именно?

– Первое.

Он имеет в виду «ГрандРазвитие» против «ОливСтрой». Мы не называем громкие имена в публичных местах – привычка.

Кристина тоже понижает голос:

– В новостных сводках, кстати, весь день мелькало. Кажется, медиа теперь подогревают интерес к процессу.

– Ну, типичный тяжелый спор. Конечно, долгоиграющий, – ухожу я от прямого ответа.

Кристина с усмешкой наклоняется ближе:

– Не такой уж и типичный. Там ведь участвует новый адвокат? Тот самый, который мать-одиночку защищал. Интересно было?

Дождиков снова хмурится, а я аккуратно пресекаю:

– Для меня заседания не включаются в рейтинг «интересности».

Кристина фыркает:

– Да ладно тебе. Мы ж тут, между собой.

Я пожимаю плечами, и она добавляет:

– Следующее заседание я точно не пропущу.

Подходит их очередь на кассу. Сделав шаг в сторону, я достаю телефон и машинально проверяю рабочую почту.

* * *

Двумя часами позднее. Приемная у кабинета судьи Савенко

Я сижу за столом и допиваю остывший кофе, параллельно проверяя электронную почту, как вдруг открывается дверь.

Сначала, клянусь, я ощущаю парфюм. Аромат холодной зелени, мягкой кожи с чем-то едва терпким, что не получается определить. Я настолько привыкла к типичным для суда запахам бумаги и антисептика, что этот окажется почти интимным, вызывающим. Кто-то осмелился пахнуть жизнью в помещении, где по умолчанию должно быть стерильно.

Через секунду передо мной бесшумной тенью встает двухметровый адвокат «ОливСтрой».

Белоснежная рубашка без единой складки, верхняя пуговица расстегнута. Темно-серый костюм.

Я не ожидала увидеть представителя «ОливСтрой» здесь и сейчас, сегодня нет заседаний, и я не готовилась.

На этот раз Исхаков без папки.

В одной руке ключи от машины... Хотя нет. Не ключи, а накрученные на пальцы четки. Странно.

В другой – белый конверт. Выражение лица: «Я тут случайно, просто мимо шел в пиджаке за сотню тысяч».

Заторможенный бессонной ночью мозг вяло подмечает: мне бы хватило доделать ремонт.

Следом думаю о своем простом костюме оверсайз, который вдруг кажется слишком мешковатым и устаревшим. Кожей чувствуется отсутствие косметики на лице. Надо же, так тоже бывает.

Дело не в личном интересе, поймите правильно. Если борзый адвокат выглядит настолько лучше, невольно начинаешь ощущать уязвимость. Согласно правилам работник аппарата суда должен: сохранять достоинство, дорожить честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти.

К тому же Исхаков явно выпался.

– Александра Дмитриевна. Рад, что застал, – говорит он дружелюбно, будто стоит на ресепшене в отеле.

Почему помощникам платят так мало? Ну почему? Никогда в жизни я не хотела спрятаться за дорогой одеждой так сильно.

Тем не менее вида не показываю, снимаю очки, которые использую для работы за компьютером.

– Добрый день. Экспедиция на первом этаже, окно номер два. Табличка «Входящие», – сообщаю дежурно-вежливым тоном.

Исхаков не двигается, и я дополняю:

– Дальше справитесь?

Он улыбается:

– Если что, попрошу план эвакуации.

Повисает пауза. Шутку я не поддерживаю. Нельзя, даже если бы было смешно.

А Исхаков смотрит мне в глаза как-то странно, будто бы с особенным интересом. Чуть прищуривается даже.

– Я могу вам еще чем-то помочь?

– Да. Документы я подам официально, но хотел уточнить один момент, связанный с предыдущим заседанием. Буквально один вопрос. К протоколу, не к вам лично, конечно.

– Конечно. К протоколу. – Я снова надеваю очки и понимаю, что мне что-то мешает.

Следом бросает в пот от осознания: перед выходом из дома я наклеила патчи. Думала, доеду на машине до работы и сниму. Дальше был кофе, потом дела. Дождиков и Кристина ничего не сказали, хотя болтали со мной целую минуту. Промолчали.

Патчи все еще у меня на лице.

Причина улыбочек Исакова ясна.

Я просто забыла. Я так сильно устала, что была слишком рассеянна и забыла посмотреть в зеркало.

Замираю на секунду от охватившего стыда.

Савелий Андреевич улыбается еще вежливее.

Какой стыд. Какой нестерпимый стыд.

Что ж.

Придется пройти через это. Не первый раз.

Я смотрю прямо. Снимаю патчи, выбрасываю в ведро для бумаги под столом и опять надеваю очки в массивной черной оправе, за которыми и прячусь.

После заминки продолжаю:

– На всякий случай, «уточнение по протоколу» – это попытка заново приобщить то, что вчера отклонили?

Исаков слегка кивает, дескать, оценил подкол, и произносит почти доверительно:

– Это попытка сделать то же самое, но умнее.

Если бы минуту назад я не содрала с лица старые патчи и не надела очки, решила бы, что он флиртует.

Но это совершенно исключено. Не здесь. Не со мной. Скорее, стоит готовиться к острой завуалированной шутке.

Мимо кабинета проходят коллеги, заглядывают с любопытством. Пора заканчивать балаган.

– Все уточнения по заседанию – в рамках протокола, – говорю я строго. – Если есть замечания или ходатайства, подавайте их письменно. Пожалуйста. Если это все, то мне нужно работать. – Впечатываю глаза в экран компьютера.

Исаков стоит все той же тенью, которую могло бы отбрасывать очень высокое дерево. Благоухает.

– А вы всегда такая?..

– Вы хотите перейти на личности или это была попытка вежливости?

– Простите. Я с юга, у нас все немного проще. Вы буквально беспощадная. – Его тон исключительно деловой, не докопаться.

– Только по вторникам. Вы вовремя.

Исаков хмыкает и подает конверт.

– Документы – через канцелярию, – подчеркиваю я интонацией.

– А если просто взглянуть? Вы же свободны.

Приходится поднять на него глаза.

– А если я просто вызову пристава?

Пауза.

Исаков отступает на шаг, показывает открытые ладони. В одной из них четки с крупными зелеными бусинами. Снова мелькает мысль: странно.

Он вздыхает:

– Хорошо. Вы победили.

– Это не победа. Это процессуальный порядок.

Опять пауза. Исаков вкидывает:

– Что тогда для вас победа?

Снова на грани допустимого. Можно крикнуть пристава, но этот шаг ниже моего достоинства, поэтому иду на крайние меры и говорю тише:

– Когда оппонент молчит.

И вновь пауза. Я смотрю в монитор.

– Значит, вам со мной не повезло, – качает головой Исхаков, но идет к двери.

У которой на секунду задерживается:

– Александра Дмитриевна...

– Что-то еще?

Он чуть прищуривается.

– Вы ведь догадались уже, я не из тех, кто сдается.

Щеки начинают гореть.

– Ну так сдайте документы. Хоть что-нибудь.

Исхаков гасит довольную усмешку:

– Хорошего вам дня. Как там было? Окно номер два, точно.

Он выходит в коридор, а я еще минуту бесцельно вожу мышкой по экрану, чувствуя, как печет лицо.

– Хорошего дня.

Глава 4

Савелий Исхаков

Есть такой тип похмелья, когда в шесть утра сидишь в пустой ванне под потоком воды и охреневаешь от того, насколько плохо себя чувствуешь.

Не представляю женщину в столь жалком состоянии. А вот знакомых мужчин – сколько угодно. Либо прекрасная половина человечества тщательно скрывается, либо этот вид «развлечения» принадлежит всецело нам. Аминь.

Я морщусь от головной боли и тру виски. Запрокидываю голову, подставляя раскаленную черепную коробку под прохладную воду.

Бар, виски, стакан за стаканом. Бармен, благослови его Господь, в какой-то момент отказавшийся наливать.

Алтай, с днем рождения, братишка. Двадцать лет отмечали вместе твой день, теперь я пью за тебя в одиночестве.

Мать твою, какого хрена мы не предугадали ту ситуацию? Как так получилось? С двенадцати лет шли по жизни бок о бок, прикрывали друг друга. Иногда страх душу грыз, иногда боль топила. Но прорывались. И дальше должны были.

Не понимаю.

Сожаление и тяжелое горе вызывают приступ тошноты, и я закрываю глаза.

Надо будет его мелкой звякнуть. Давно не набирал.

Мелкая – бывшая девушка Алтая, Радка. Она считает, он ее не любил, и все равно родила ему близнецов. А он любил, такие вот дела. Она уже замужем и вроде бы оправилась, но на всякий случай я присматриваю издалека.

Дверь открывается, и передо мной замирает голенькая Оля. Мы познакомились месяца два назад, я позвонил ей вчера.

Оленька была четвертой, кого я набрал. Она единственная не задавала вопросов и приехала сразу. Дай бог здоровья тем, кто умеет не усложнять простые вещи.

Я ляпнул что-то вроде того, что отмечаю зарплату. Она посчитала повод достойным и присоединилась. Мы оба чокались с пустым стаканом Алтая. Оле это казалось забавным, мне хотелось потрахаться.

– Доброе утро, – улыбается она. – Ты как?

– Привет, – вскидываю ладонь. – На работу собираюсь, как видишь. А ты чего соскочила в такую рань?

– Тоже на работу. Добросишь?

– Конечно. Дай мне минуту.

Оля скептически приподнимает брови.

– Ладно. Десять минут.

– Тогда собирайся, красавчик. – Она треплет меня по волосам и распечатывает отельную зубную щетку.

Задерживаю шторку и беру с полки гель для душа. Здравствуй, новый день, в обед у меня встреча с доверителем. Надо подготовиться.

* * *

В восемь якупаюсь в кофейне и иду в ближайший парк. Лев Семенович, в прошлом профессор философии, нынче свободный от всех обязательств, как обычно кормит голубей у фонтана.

– Доброе утро, – говорю я, протягивая ему стаканчик. – Кофе будете?

– Не откажусь, господин адвокат. Это, случайно, не карамельный латте? А в пакете не булочка с рыбой?

Губа у этого бездомного не дура. Усмехаюсь и киваю:

– Все как вы любите.

– Вы спасаете мой желудок и мою веру в человечество. – Лев Семенович с вежливостью снимает шапку, будто он на приеме у Гегеля.

Разместившись на лавке под раскидистым дубом, мы приступаем к эстетически великолепному завтраку.

– Дождь будет, – роняет Лев Семенович. – У вас зонт есть? Могу одолжить дождевик.

– Оставьте себе, я за рулем. Да и небо вроде бы ясное.

– Кто ломал ногу хоть раз, прогноз погоды не смотрит. Метеослужба – баловство для неопытных юнцов.

– Точно. У меня был друг, который отлично предсказывал погоду. Сам я руку недавно ломал, но вообще ничего. Никакой суперспособности травма мне не принесла. Даже обидно.

– Погодите, ближе к пятидесяти начнется... Обожаю кофе. М-м-м, кортизол, но без адреналина. Роскошь, доступная вашему поколению.

Мы пьем кофе, утопая в собственных мыслях. Небо тем временем медленно затягивается. Да ладно!

– Вы точно профессор философии, а не какой-нибудь шаман?

– Философ – это и есть разновидность колдуна. Разве что без фокусов. Раньше я только и делал, что объяснял людям, почему жизнь одновременно бессмысленна и прекрасна.

– Звучит утешительно.

– А вы как объясняете, что защищаете тех, кто врет и прячет деньги?

Я приподнимаю бровь.

– О, началось. Впрочем, накидывайте. Не стесняйтесь.

– Я больше не у кафедры, могу позволить себе прямооту.

– Я всего лишь защищаю правила игры, Лев Семенович. Кто научился их соблюдать, тот в безопасности. Кто нет – того судят.

– Неплохо. Только правда ведь в другом: вы, господин адвокат, не правила защищаете, вы участвуете в перераспределении власти.

Лев Семенович с большим аппетитом доедает свою булочку.

– А вот это звучит зловеще.

– У старого философа есть только слова, а ваши слова приводят к последствиям. В этом между нами разница. Ну и еще в том, что вы сюда на мерседесе приехали и пахнет от вас получше.

Мы замолкаем на пару минут. Он, прихлебывая кофе, смотрит в сторону дорогого ресторана. На веранде пьют шампанское, несмотря на то что только среда, вполне рабочий день.

Философ-шаман первым нарушает молчание:

– Жениться вам надо, мой любезный друг. Не с бездомными завтракать, а с прекрасной женщиной, вот на той террасе. С цветами, круассаном, соком, непременно свежавыжатым. Они такое обожают.

– Неужели и это философия?

– Нет, то из жизни! – отмахивается Лев Семенович и хохочет.

– Вот женюсь я. Разве вы не будете скучать по нашим спорам?

Он морщится.

– Я бы очень хотел вас там увидеть, в хорошей компании, за приятной беседой. У вас светлая голова, но жизнь свою вы тратите как будто на что-то несущественное. Жуликов да проходимцев.

– И что же, по-вашему, существенное?

– Любовь.

– Ха. Красивые, умные, честные, – загибаю я пальцы. – Выберите любые два качества. Все сразу не помещается в одной женщине, иначе это была бы уже не женщина, а идеальная попытка.

Лев Семеныч снова хохочет, и я продолжаю:

– Женщины по сути своей делятся на коллег, домработниц и шлюх. Первые и вторые быстро утомляют, третьим – нет доверия.

– Вы не любите женщин?

– Я обожаю женщин всей своей душой, насколько это только возможно. Однако есть одно но: они все хотят быть единственными.

– Это факт!

– Ревность даже самых прекрасных созданий мгновенно превращает в опасных существ, способных не только на истерику, но и на вполне расчетливую подлость.

– А вы знаете, что я прожил с одной из них тридцать пять лет?

– Да ладно?

– Чтоб я сдох! Каждый день был как бесконечный спор на любую тему. – Лев Семенович выбрасывает пустой стаканчик в урну и тянется в сумку за коньяком. Предлагает, и когда я вежливо отказываюсь, делает глоток из бутылочки.

– Как вам было в постели?

– В постели, молодой человек, мы, философы, тоже умеем находить истину. Особенно когда влюблены. – Помолчав, он добавляет: – Моя Зоенька тоже обожала есть красиво. Женщины вообще зависимы от вкусных завтраков в пафосных заведениях. Чтобы и цветы, и кофе. Я поэтому люблю сюда приходить. Раньше на этом месте другой ресторан стоял, мы с ней там откусывать любили в выходные.

– И каждый день вам было о чем поговорить?

– Конечно.

– Да вы счастливчик, Лев Семеныч! – Я легко толкаю старика в плечо.

Он самодовольно усмехается:

– Определенно. Спасибо за завтрак, господин адвокат, очень поддержали. Если не будете доедать сэндвич, не сочтите за наглость...

Я протягиваю начатый бутерброд.

– Бросьте, за еду не благодарят. Держитесь, и спасибо за советы и красивую историю любви. Хоть и выдуманную. Интересно было послушать.

Лев Семенович качает головой.

– У меня теперь кафедра – эта скамейка, к тому же времени вагон. А внимающая мне аудитория – лишь прохожие да голуби. Но знаете, порой здесь слушают внимательнее, чем студенты в теплой аудитории.

– У студентов мысли в другой стороне.

– У вас тоже. Сложное дело ведете?

– Муторное. Куча этических качелей.

– Самое интересное в этике, господин адвокат, – это не правила, которые прописаны в ваших кодексах, а то, как поступает человек, когда перед ним приоткрыта дверь и вокруг – ни души.

- Вообще никакой интриги не вижу: от халавы еще ни один не отказался.
- Интересно, как поступите вы сами, ибо «Несправедливость, совершенная тобой, хуже той, что совершена против тебя».
- Весьма спорное утверждение, принадлежащее, кажется, Сократу.
- Истина.
- Он просто никогда не пытался доказать невиновность тех, кого стоило бы посадить еще вчера.

* * *

В московском офисе кипит жизнь. Мы сняли весь одиннадцатый этаж, чтобы впечатлять клиентов масштабом, и это сработало.

Итак, три года назад планировался поистине масштабный проект, для реализации которого было создано совместное предприятие с участием государства («ГрандРазвитие») и частного бизнеса («ОливСтрой»). Проект сразу окрестили витриной частно-государственного партнерства. Город пообещал помочь с коммуникациями, банк – выдал многомиллиардный кредит. Все улыбались.

Однако спустя два года идиллия партнерства сменилась конфликтом, который с каждым днем становится все более ожесточенным.

В два часа дня в конференц-зале собираются представители «ОливСтрой», включая гендиректора Вешневского, моего старого приятеля. И первый час все просто орут.

Бедная секретарша Настя с круглыми глазами носит кофе и воду. Выслушать доверителей, дать им выплеснуть эмоции – неотъемлемая часть работы. Важно не допустить их до суда в таком состоянии, иначе эмоции могут взять верх прямо там.

Когда все, обессилев, плюхаются в кресла, включаюсь сам и объясняю стратегию.

Вешневский перезванивает этим же вечером. Я все еще в кабинете, работаю, поэтому отвечаю незамедлительно, хотя и порядком устал от живого общения.

– Аркадий Игоревич, слушаю.

– Савелий Андреевич, я все кручу в голове нашу ситуацию и действия судьи. Реакции как будто замедленные. Ходатайство отклонили без объяснения. Этот внезапный интерес к внутренним бумагам. Подозрительно.

– Вы думаете, судью «качают»? Или это уже точная информация?

– Мне говорили... что с Савенко дела нужно решать через ее правую руку. Как там зовут помощника?

– Александра Дмитриевна Яхонтова. Да ладно. Seriously?

– Вы с ней знакомы?

– В рамках первого заседания.

– Что скажете?

– Грамотная, держит дистанцию. Через нее идет все: черновики, служебки, даже чашка кофе. Но взятки? – Морщусь. – Крайне сомнительно, однако, если это так, я узнаю.

– Я тут погуглил ее параллельно. Яхонтова – классическая серая мышь из судебного аппарата.

Не слишком ли уничижительно для человека, который в обед сам едва не кричал в панике?

– Правильные черты лица, отличная дикция, талия сантиметров шестьдесят и длинные волосы. Это, по-вашему, мышь?

– А у вас, Савелий Андреевич, к ней как будто личный интерес появился?

Этого еще не хватало. Резко поправляю:

– Исключено. Есть такое понятие, как адвокатская этика. Не стоит из-за меня волноваться.

– Если Савенко берет через Яхонтову, мы должны это выяснить.

– Я проверю по своим каналам. Если они играют грязно, то мы тоже с удовольствием в эту игру поиграем.

Лев Семеныч не прав – в приоткрытую дверь непременно войдут. Единственный вопрос: кто будет первым?

Глава 5

К вечеру пятницы мы имеем следующие сведения.

Кристина Павлова, секретарь Савенко, доверия не внушает – слишком поверхностна, однако, будучи дочерью прокурора, вряд ли рискнет нарушить закон. Из списка подозреваемых не вычеркиваем, но пока я бы на ней не концентрировался.

А вот помощник Александра действительно вызывает интерес. Девушка из семьи бедных интеллигентов вполне может стать объектом давления. По данным Росреестра, год назад она оформила на себя однушку в Москве. Если учесть ее весьма скромный оклад, возникает закономерный вопрос: ипотека, помощь родителей или... сторонняя поддержка?

Поговорить с Александрой стоит. Хотя бы намекнуть, что мы следим за всеми аспектами дела и подтасовки не потерпим. Вот только сделать это не так просто.

Я выяснил, что Яхонтова живет с родителями, по кабакам не шатается, на работу ездит на личном авто. Не ловить же ее посреди трассы, право слово!

Парковка у работников судебного аппарата закрытая, туда не втиснуться. Караулить у дома – ход крайний, как и пытаться связаться по мобильнику.

Поэтому когда Александру отмечают в сторис на какой-то презентации, я решаю разнообразия ради отложить дела и смотаться на разведку. Тем более что метка геолокации по счастливой случайности рядом с моим офисом.

Десять минут на дорогу, двадцать – на поиски парковки (иногда столица меня убивает), и я на месте.

Пригласительного, разумеется, нет. Но славная девушка на ресепшене входит в положение и дает запасной бейджик «спикер», с улыбкой попросив не попадаться на глаза организаторам. После чего, покраснев, шепотом диктует свой номер телефона. Милое начало.

Итак, оглядываемся.

Класс ресторана чуть выше среднего, очевидно, что потратились. Основная программа закончилась, я прибыл как раз к фотосессии, которая и разворачивается в освещенной части зала. В малоосвещенной – шведская линия, шампанское в бокалах, живая негромкая музыка. Народу – тьма.

Здесь неплохо.

В глаза бросаются яркие наряды девушек, и я всматриваюсь в лица, пытаюсь найти помощника судьи Савенко. Красное, синее, черное платье... О нет, на ней все тот же серый костюм.

Александру Яхонтову отыскать несложно, она на самом деле выделяется полным... хм, нежеланием выделяться.

Некоторое время я наблюдаю за тем, как любовно она размещает шашлычок из лосося рядом с помидорами на тарелке, и решаю подойти поздороваться.

– Добрый вечер, рекомендуете?

Александра вздрагивает от неожиданности и, подняв опарашенные глаза, едва не роняет тарелку. Приходится придержать ту за край.

– Извините, не хотел напугать.

– Это вы извините, – бормочет она, но быстро берет себя в руки.

Вдруг улыбается смущенно, мгновенно становясь будто на десять лет моложе и в сто раз обаятельнее. Цифры на сайте не врут: Яхонтовой действительно нет и тридцати.

Мгновение мешкаю из-за столь разительной перемены.

– Все же это моя вина. Как будто подкрался.

– Ужасно длинная неделя. – Она отмахивается. – Честно говоря, я всю презентацию просидела в телефоне, мечтая о фуршете. Даже неловко как-то. Попробуйте лосось, кстати.

– Спасибо.

Я тоже беру тарелку, и мы на полминуты зависаем над столом.

– А вы что здесь делаете? Удивительное совпадение. – Улыбка сползает с лица Александры, она начинает недовольно хмуриться.

– Почему совпадение?

– Вы разве читаете этого автора?

– А вы? Seriously? Вы читаете такие книги?

– Вообще-то я здесь с подругой, но, разумеется, купила и обязательно почитаю. – Александра хлопает по объемной сумке, а потом впивается глазами в мой бейдж.

Поспешно переворачиваю. Ну конечно, сука, двусторонний.

Она берет бейдж и изучает.

– Еще бы вы ее не купили.

– Спикер? Seriously? Супер. И почему, собственно, «еще бы»? Вы опять переходите на личности?

– Не сомневаюсь, что, раз вы посетили мероприятие, чувство долга заставило вас приобрести книгу. Которую вы, правда, в жизни не откроете.

– Это почему же не открою?

Я поднимаю глаза на стенд и читаю:

– «Перезапусти свой секс», «Оргазм, которому позавидуют древнегреческие боги». А я-то думал, у Сократа были амбиции.

Александра чуть округляет глаза, словно увидела название впервые. Поспешно достает книгу, на обложке которой оно выведено красным. Открывает, листает.

– Автор подписал мне книгу как «огненной жрице Саше», – кисло цедит она. – Я даже внимания не обратила. Как ее теперь домой нести?

– Боитесь, родители накажут за секс-просвет?

– Ха-ха, – закатывает глаза Александра. – Представьте себе, Савелий Андреевич, не у всех шестизначные гонорары и кто-то после универа продолжает жить с родителями. Хотя работаю я уж точно не меньше вашего.

– Хей, я ж не нападаю. Просто хотел предложить оставить книгу у себя. Отдам, когда переедете.

Александра задумывается, а потом вручает мне книжку и говорит бойко:

– Впрочем, забирайте. Можете навсегда. Мне все равно не до... – Она, приглядевшись к аннотации, читает: – Не до «секса, который сотрясет континенты». Звучит довольно жутко.

Я беру книгу под мышку, планируя выбросить ее в первую же урну, и тут Александра вновь смотрит на мой бейджик. Качает головой.

– Вы же здесь не из-за меня, Савелий Андреевич?

– Я здесь не на работе. А вы?

– Нет конечно, – усмехается она. – У меня здесь вообще-то свидание.

– О, поздравляю. И где счастливчик?

Александра не отвечает, но я успеваю проследить быстрый взгляд – какой-то чел лет тридцати на вид что-то эмоционально рассказывает двум блондинкам в коротких платьях.

Опа. Так у нее что, сердце разбитое? Еще помощника на грани нервного срыва этому делу не хватало. Ну просто вишенка на торте.

Я внезапно сам ощущаю голод – тоже работал целый день, забыл поужинать – и сильную усталость от всей ситуации.

– Хотите, я дам ему по морде? – предлагаю запросто, чтобы разрядить обстановку.

Но на Александрю горячее предложение действует прямо противоположным образом: ее лицо напрягается, взгляд тяжелеет.

– Типичный южный подход – сначала в морду, а потом вникать в ситуацию. Уголовный кодекс как-нибудь листали?

– Листал, конечно. Но обычно предпочитаю Гражданский, там штрафы приятнее.

Улыбнись.

Ну же.

Без толку.

На лице Александры проскальзывает неуместная брезгливость, и я раздражаюсь. С таким кислым выражением лица, в этом чудовищном костюме она становится живым памятником всей нашей убогой судебной бюрократии – надменной, серой, до ужаса самодовольной в своей мелочной важности.

– Избавьте меня от этого, спикер на презентации книги «Перезапусти свой секс». А теперь мне пора закончить свой ужин. – Александра отходит в сторону и отворачивается.

Неприятная особа. Высокомерная, вспыльчивая. Профдеформация лица, тут даже коса до талии, кстати поразительно тонкой, не вытянет.

Серая юбка-карандаш, черные лодочки без каблука, старомодная блузка. Скуч-но.

Ее парня легко понять.

Надо намекнуть Александре Яхонтовой, что мы наслышаны о продажности Савенко и в случае чего это так не оставим, и сматываться.

Я беру книгу в другую руку – а томик увесистый. Читаю фамилию автора – Морж А. А. Да уж, много написал об оргазмах Морж, не поскупился. Делаю несколько шагов по направлению к Александре, как вдруг она ставит тарелку на столик и сама поворачивается ко мне. Выглядит едва ли не напуганной.

– Извините, Савелий Андреевич, вы курите? От вас пахнет табаком, я чувствую.

– Когда злюсь. А что?

Краем глаза я вижу, как девица в облегающем, словно вторая кожа, бежевом платье отчитывает мужика нашей Яхонтовой, и догадываюсь, что последняя хочет сбежать под максимально не унижительным предлогом.

– Я достаточно вас разозлила?

– Хотите уйти?

– Очень. Пожалуйста.

Я вздыхаю:

– Идемте. Только при одном условии.

– Если с условием, то мне не надо, – мгновенно отшатывается Александра.

– Да бросьте, – вздыхаю снова. – Везде у вас враги. Условие простое: подержите эту ужасную книгу.

– Вам тяжело? – усмехается она, но книгу берет.

Я подставляю локоть, и Александра нехотя соглашается взять меня под руку.

– Моя репутация не позволяет мне расхаживать с такими сомнительными произведениями на людях.

Она смеется, и я подмечаю, что смех у нее не мышинный, а звонкий, девичий.

Александра прячет томик в свою огромную, размером с дипломат сумку. Судя по всему, туда спокойно поместится не только книга, но и половина моего дела.

На выходе из зала я интересуюсь у охранника, в какой стороне место для курения, и мы спускаемся по лестнице.

Глава 6

Александра

Адвокат дьявола пошутил про моих родителей не просто так: полагаю, успел навести справки. Интересно, он в качестве хобби собирает досье на всех вокруг или у него какие-то претензии именно ко мне?

Оба варианта так себе, но сейчас я слишком раздавлена, чтобы пытаться разгадать чьи-то каверзные планы.

Не нужно было ехать. Какая я глупая, что поддалась на уговоры Маргоши! Она хотела как лучше, ее действительно беспокоит моя скудная личная жизнь, но...

Работы – море, я не успела заехать домой переодеться. И, оказавшись в ресторане, поняла, что фатально ошиблась. В последние годы я редко бываю где-то помимо дома и суда и совсем позабыла, как люди выглядят вне его стен.

Особенно женщины.

На их фоне я выглядела, мягко говоря, консервативно.

А когда-то давно, еще в универе, мне нравилось наряжаться. Сегодня я вдруг осознала, что не помню, когда в последний раз распускала волосы. И стригла их. Вообще была в парикмахерской.

В двадцать лет я ничего с собой особенного не делала и считалась хорошенькой. Видимо, в двадцать восемь этот трюк уже не работает.

Марго познакомила меня с очаровательным оператором Степаном, которому все уши прожужжала про свою «очень красивую и очень занятую подругу». Он спросил про работу, я ответила, что не могу говорить на эту тему. Спустя примерно минут двадцать дошло, что это было невежливо. Я постаралась смягчить ситуацию.

Действительно постаралась. Спросила о работе его.

И вроде бы разговор пошел. Степан симпатичный, амбициозный, с прекрасным чувством юмора. Мы собирались перекусить вместе и выпить немного шампанского. Но едва я расслабилась, он отвлекся на знакомую и отошел от меня.

Я ждала долго.

Пока не поняла, что Степан обо мне забыл.

Совсем.

Хотя пришел со мной познакомиться.

Он флиртовал с двумя девицами, а я осознала, как сильно проигрываю всем женщинам вокруг, даже тем, кто намного старше.

Это был шок. Потрясение. У меня горели щеки и ныло в груди.

Марго звала фотографироваться, но я отказалась, потому что не хотела оставаться на памятных снимках.

Степан был рад от меня отделаться. И когда Марго начала его отчитывать, я поняла, что выгляжу жалко. Лучше бы она ничего ему не говорила.

Моя милая Маргарита.

Савелий Исхаков показался меньшим из зол, а еще он, как и в прошлый раз, потрясающе пах и был достаточно аккуратен в высказываниях.

* * *

Мы молча спускаемся по лестнице и выходим во внутренний дворик. Небо беззвездное, затянутое мрачными тучами. Да и вообще здесь довольно темно. Лишь пара фонарей дарит скудный желтый свет. Под ними толпится несколько шумных компаний. Мы отходим в сторонку, поближе к березе.

Я вспоминаю об оставленном в гардеробе пальто и зябко обнимаю себя руками.

Савелий Андреевич тут же снимает пиджак, который без разрешения падает мне на плечи.

– Не стоило совершенно.

– Разумеется, – ухмыляется он, протягивая мне электронку.

Я отказываюсь, и Исаков подносит сигарету к губам.

– Нет, правда. Я, пожалуй, пойду. Сегодняшний день был долгим, не терпится встать под душ и смыть его с себя.

– А сегодня даже не вторник. Хм. Пойдите хотя бы, пока докурю, я быстро, – говорит он меланхолично и как будто разочарованно, и я тяжело вздыхаю.

Видимо, по пятницам я еще беспощаднее. Будто совсем разучилась разговаривать с людьми! Сама же его сюда вытащила, бросать в одиночестве и впрямь невежливо.

– Простите. – Тяну за лацканы пиджака, закутываясь. – Я подумала, что мое общество сегодня невыносимо, и решила вас от него избавить.

– Мой пиджак на ваших плечах ничего не значит. Даже выбрав столь нервную работу, вы ведь не перестали быть женщиной.

– Надеюсь, что нет, – едва слышно шепчу я, еще сильнее расстроившись.

Поведение Степана было предсказуемым. На что я вообще надеялась, когда неслась сюда после шестидесятичасовой рабочей недели? И нет, я точно не успела в него влюбиться. Мне все равно. Только самооценка кровоточит. Свидание не продлилось и часа.

Почему с каждой минутой все больше?

Я вдруг ощущаю себя очень уязвимой рядом с Исаковым. И дело не в том, что он адвокат дьявола, который ради развлечения пытается продавить судебную систему. Он мужчина. Не один из тех смазливых красавчиков, которых я вдоволь насмотрелась на работах родителей. Савелий Андреевич умен, успешен, а внешне – по-настоящему мужественный. Очевидно, он знает себе цену. Такому, как он, в голову бы не пришло почитать книжку про секс, написанную для неудачников.

В отличие от тех самых неудачников, у которых секс только в сериалах по выходным.

– Хотите, я вам почитаю? В качестве извинений, – говорю примирительно.

– Только если не нотации. – Исаков все еще довольно напряжен.

Я смеюсь и достаю книгу.

– Зря, что ли, я отвалила за нее восемьсот пятьдесят рублей.

– Идите вы! – немного оживает он.

– Честное слово!

Включаю фонарик на телефоне.

– Называйте любую страницу и номер абзаца.

Савелий делает это, и я листаю.

– Итак. «Секс – это не только про тела. Это про то, насколько ты умеешь отдать себя другому без остатка. Если тебе стыдно за свои желания – значит, ты все еще чужой в собственной постели. Плохо не желать. Плохо – бояться своих желаний. Секс – это не грех. Грех – прожить жизнь, так и не узнав, на что ты способен в любви...» – Я прерываюсь и прочищаю горло. – Вы это специально? Решили меня смутить?

– Ага, я ведь наизусть знаю это бессмертное произведение. – Он выдыхает дым, и мы оба гасим смешки.

Одна из компаний поблизости взрывается хохотом, и мое чуть поднявшееся было настроение вновь устремляется вниз. Им весело. Всем вокруг весело. А я нудная и, видимо, страшная. Степан забыл обо мне спустя минуту.

Не ожидала, что меня так сильно ранит отказ.

– Кстати, хоть и банально, но довольно неплохо, – включается Савелий. – Даже глубоко там, где «чужой в собственной постели». Что думаете?

– Вы себя так чувствовали когда-нибудь?

– Я?

– Делитесь. Спикер вы, в конце концов, или кто?

Он долго и довольно сексуально затягивается, копаясь в памяти, и я внезапно прихожу к выводу, что Исхаков может быть забавен. Стоит в полутьме рядом с помощником судьи, выпускает из носа дым и прокручивает в голове свой секс.

Робко улыбаюсь. Его пиджак пахнет кожей, зеленью и чем-то знакомым, но едва уловимым. Необычно и очень по-мужски, если честно.

– В процессе сложно считать себя чужим, – наконец выдает Савелий. – Ощущения в моменте вытесняют все прочие мысли из головы. А вот после – да, наверное. Задаешься вопросом: что я здесь делаю?

– А я думаю... – Бросаю взгляд на обложку, дабы напомнить себе имя автора, – А. А. Морж имел в виду другое: фишечки в процессе. Разным людям нравятся разные фишечки.

– «Фишечки», – высмеивает меня Исхаков. – Этому Моржу нужно было налить воды на восемьсот пятьдесят рублей, вот и все. – Он выбрасывает окурки в урну.

Так быстро.

Пора домой. К семье. По пятницам мы теперь вместе смотрим какой-нибудь мультфильм по выбору Матвея. Я обожаю вечера, но отчего-то ощущаю тоску. Наверное, мне и правда понравился Степан. А может, дело в том, что я попросила братишку не ждать меня сегодня и тем не менее приеду к началу?... Мама сочувственно покачает головой, папа тихо вздохнет.

Внезапно говорю:

– Я бы тоже покурила, если еще не поздно и если у вас есть.

– Конечно. – Савелий забивает свежий стик, отдает электронку. Откуда-то знает, что я не умею, и поясняет: – Курить, когда завибрирует.

– Спасибо. Ваша очередь читать.

Пока я осторожно втягиваю в себя никотин, он открывает книгу и просит назвать страницу.

– Сто, абзац четыре.

Голос Савелия звучит с легкой хрипотцой, и у меня, видимо от холода, волосы на коже поднимаются. Он зачитывает:

– «Самые яркие ночи случаются не тогда, когда идеально гладкое тело или правильный ракурс. Самые незабываемые ночи – когда ты позволяешь себе звучать, дрожать, просить и принимать так, как велит инстинкт».

Медленно, будто с надрывом выдыхаю. Савелий делает шаг ближе, и я не отшатываюсь. Его запаха становится больше.

Я снова нервно выдыхаю дым, чувствуя покалывание в пальцах и тяжесть внизу живота – словно все внутри сжалось. Пытаюсь совладать с собой, и вдруг посреди этой нелепой ситуации меня пронзает осознание: мне невыносимо не хватает тепла. Ласки. Внимания. Прикосновений. Мысль обжигает, лишает опоры. Становится жарко, неловко, и я, немного сбившись, говорю:

– Вау. Инстинкт основной, наверное, имеется в виду.

– Да уж, наверное. – Савелий листает книгу. – Этому разделу отведено самое большое количество страниц. – Он листает дальше, вчитывается, смеется.

И неожиданно хочется прочитать «Перезапусти свой секс» от корки до корки, чтобы понять, что так сильно развеселило Адвоката дьявола.

– Вот у нас с вами и читательский кружок организовался. А вы правда с юга? Родились там?

– Родился, учился, работал. У меня до сих пор там есть офис. А что?

– Интересно. Я не была.

– На Черном или Азовском морях? Серьезно?

Пожимаю плечами. Обычно мы ездили по городам, где у папы проходили гастролы. В другие было без надобности.

– А хотели бы?

– Вы мне что, отпуск предлагаете? – улыбаюсь я, впервые за вечер чувствуя себя привлекательной девушкой, с которой флиртуют. Даже на цыпочки приподнимаюсь, чтобы быть рядом с Савелием хоть немного повыше.

Но его улыбка мне почему-то не нравится. Когда свет от фонарика падает на его лицо, я замираю.

Глаза у него серьезные. Взгляд – уж слишком пронизательный.

Исхаков не расслабился.

Не флиртует.

А значит... предлагает что-то.

Улыбка плавно сползает с моего лица. Я ощущаю растерянность, обиду, многократно усилившуюся усталость и возвращаю Савелию электронку.

– Если вы хотите на что-то намекнуть, давайте лучше прямым текстом, я слишком устала, – говорю спокойно.

Он мягко улыбается:

– Прямым текстом в нашей профессии не принято, вы же знаете. Но не буду скрывать, я наслышан о склонности нашей судьи к компромиссам и о возможных способах их достижения. Если вдруг кто-то предложит вам более интересный вариант разрешения нашего дела, дайте знать. Что ж. Мой доверитель всегда готов... обсудить условия.

Взятки.

Во мне взрывается атомная бомба, неимоверным усилием воли остаюсь на месте.

– Боюсь, я отказываюсь вас понимать.

– Это хорошо, – спокойно отвечает Исхаков. – Но я обязан сообщить, что мы в курсе возможных сценариев. Более того, если иначе никак, наша сторона готова сыграть чище и дороже.

Внутри все обрывается.

– Что-то мне больше не хочется ехать на юг. Там, видимо, обычное дело – решать судебные вопросы в курилках.

Он улыбается уголком рта и выглядит действительно дьявольски:

– Поверьте, иногда московские методы куда менее изящны. Но я рад, что мы поняли друг друга.

– Мне нужно идти.

– Ваша книга. Не передумали мне ее одолжить?

– Оставьте себе навсегда.

Я поспешно иду к выходу и слышу вслед веселый голос:

– А зря. Вам явно нужно немного расслабиться.

Сжимаю кулаки от какого-то бездонного отчаяния и злости.

Глава 7

Едва я прячу голову под одеяло, чтобы хоть на чуть-чуть приглушить вступительную заставку мультфильма «Три кота», мобильник вибрирует.

Ночь выдалась так себе: мне снился Исаков, с которым мы вальсировали на каком-то балу. Это было настолько на меня не похоже, да и на него, чего греха таить, что сейчас стыдно даже вспомнить. Степан тоже там был, с большой камерой, снимал нас на пленку. На память, что ли?

Наверное, вы все уверены, что в судебном аппарате работают сплошь серьезные, сознательные люди. Мы вальсировали и хохотали, хохотали и вальсировали... Боже мой!

Я бросаю взгляд на экран и прижимаю телефон к уху.

– Доброе утро, Маргош.

– Ты там плачешь или стонешь? – Ее голос звучит встревоженно.

Моя бедная Марго, переживает.

Я вчера и правда поплакала, пока ехала домой. Кто бы со стороны увидел – помощник судьи, отвечающая за ведение сложнейших дел, едет с вечеринки на стареньком «солярисе» и ревет навзрыд из-за стыда и одиночества. Ни одна живая душа об этом не узнает. Я, наверное, лучше умру.

Нужно дожить до понедельника. На работе все знакомо и понятно.

– Пытаюсь спать, еще ж рано, суббота.

– О, я тебя разбудила? Вот гадство. Прости, пожалуйста, я-то с шести на ногах... Ты же ранняя пташка, а уже почти половина девятого. Еще раз прости, моя милая.

– Все в порядке. Матвей все равно врубил мультики, я уже не спала. Просто не в духе, кофе надо сварить. А что ты хотела?

– Знаешь же певицу Кайли?

– Конечно. Кто ее не знает?

Ее хит «Танец над пропастью» взорвал чарты этой весной.

– Утром я готовила эту нереальную красотку к съемкам клипа, похвалила ее аромат (у Кайли своя собственная линия духов, но не суть). В общем, она мне рассказала забавную вещь. На днях было опубликовано свеженькое исследование про запахи. Между прочим, научное. Так вот, у тебя бывает такое, что встречаешь человека, а он с первой минуты кажется своим?

– Не помню. Допустим. И что?

– Оказывается, дело может быть не только в харизме, красоте и общих интересах. Запах тела вызывает симпатию на уровне нравится или не нравится. Представляешь?

– Я читала, что запах корицы вроде бы повышает память, поэтому прошу добавлять в кофе.

– Да нет же! Я не о том. Помнишь, как быстро мы с тобой подружились?

– Просто принялись друг к дружке? – хихикаю я.

– И ничего смешного! А Лекса моего помнишь? Как у нас завертелось, с первой секунды!..

Марго продолжает болтать о важности запахов, а в моей голове, совершенно против воли, всплывают картинки из сна. На языке появляется особый аромат: чистый, но с мужской животной базой. Резковатый, запоминающийся. Который вызывает реакцию – положительную или отрицательную. Он не нейтральный. Вызов. Откровенная провокация.

Я не понимаю, зачем быть настолько заметным... и ругаю себя, что вообще думаю об этом. Но все-таки лежу и думаю!

Теплый пиджак на плечах. Нотки табака в воздухе. Смех, остроумные реплики, темы на грани фола, неуверенные улыбки. Я откидываю одеяло и делаю глубокий вдох.

Я не была на свидании с Адвокатом дьявола, он мне взятку хотел сунуть, вот и все.
Вот и все.

Просто вдруг немного понравился. Когда курил с забавным выражением лица. Когда шутил. Когда протянул руку.

У меня редко возникает симпатия к мужчине, поэтому я и заплакала за рулем. Не сдержалась, как будто внутри что-то чуть-чуть треснуло.

Ерунда это все.

Ты не женщина, ты будущая судья. Тебя не хотят. Тебя намерены использовать.

Наверное, стоит отыскать туалетную воду Исхакова, купить себе, попользоваться и поставить на этом точку.

– А если духи? – спрашиваю я.

– Так они ж на коже по-разному раскрываются. Оказывается, наш нос отвечает за симпатию не меньше глаз. И это официальные данные! Мы все такие цивилизованные, утонченные, важные цацы: в одной руке айфон, в другой – латте на кокосовом. А по факту – как и звери, нюхаем друг друга! Обалдеть!

– А Кайли не сказала, что делать, если запах очень нравится, но сам человек – не особенно?

– Не-а. Опасная получается ситуация.

– Слушай, а ты не хочешь сегодня побродить по тэцэ, выбрать новые духи? Твой рассказ меня воодушевил.

– Сегодня точно не выйдет, я ж работаю. Как насчет завтра?

– Если поклянешься, что ты это делаешь не из чувства вины за вчерашнее, – говорю я прямо.

– Насчет вчерашнего, да. Я такая идиотка.

– Все в порядке. Пожалуйста, не будем об этом вспоминать никогда. – Вымученно смеюсь и зажимаюсь. – Я сильно опозорилась?

– Когда ушла с тем высоченным парнем в дорожном костюме? Степан был раздавлен, а тех двух куриц навсегда вычеркнут из списков, уж я позабочусь!

Марго лжет, у нее нет таких полномочий, но я все равно улыбаюсь.

– А кто он, кстати? Я потом глянула спикеров и не разобралась.

– Да так.

– Да так? Вы отлично смотрелись: он такой высо-окий, а ты – такая зая миниатюрная.

– Зая с характером ворчливого деда, – бормочу я.

– Что?

– Саша! Тебе ванная нужна будет? – кричит Люба. – А то я надолго!

О боже мой.

– Ладно, завтра увидимся. Пойду занимать в нашей коммуналке очередь к умывальнику.

* * *

В воскресенье Маргоша завтракает у меня. Мы условились пройтись по магазинам и где-нибудь пообедать. Пока я сушу волосы, она болтает с моими родителями на кухне.

Папа с мамой обожают Маргариту, именно они когда-то помогли ей устроиться в театр, что и стало толчком для ее карьеры. В детстве подруга часто ночевала у нас, а я у нее.

В общем, это совершенно обычное воскресное утро.

– ...Она очень душевная. Всегда спросит, как дела, как дома, – рассказывает маме Марго про известную певицу. – И если ты ей понравилась, она потом снова и снова будет обращаться. Но этот ее роман с парнем на двадцать пять лет младше... Мы все были в шоке! Он из нее деньги тянет, это же видно.

– Бедненькая... – сочувствует мама.

Они обсуждают грязные слухи еще пару минут, а потом голос мамы звучит тише:

– Маргош, а что насчет пятницы? Расскажи хоть, что там было. Моя девочка вернулась такой расстроенной. Ее кто-то обидел?

Дальнейший разговор я не слышу из-за шума фена и делаю вывод, что родственники шепчут, дабы обсудить меня в красках. В кухню пробегает Люба – ага, пошли горячие сплетни.

Маме кажется, что я непременно скрываю от нее свою насыщенную личную жизнь. Наверное, ей просто не хочется верить, что мое одиночество – правда.

Я бы честно хотела порадовать ее головокружительным романом или даже подвенечным платьем, но не представляю, как это устроить.

Еще мне кажется, что Маргарита до сих пор ощущает вину за равнодушие Степана, и между нами как будто повисла неловкость.

Вот так мужчина может запросто рассорить лучших подруг, ни с кем из них даже не переспав.

– Саша! Саш! – окликают меня. – Иди скорее!

– Что? – Выключаю фен и тороплюсь в кухню.

– Где пульт? – Марго мечется между столом и подоконником, указывая рукой в телевизор. – Это же тот самый мужчина, который украл тебя в пятницу!

– Украл? – восклицает мама. – Сашу?!

Папа торопится выйти с балкона, но попадает в плен тюля и, неуклюже суетясь, крутится на месте.

– Покажите мне вора!

О нет.

Глава 8

Телевизоры в доме родителей выключаются только на ночь. В гостиной это карусель мультфильмов нон-стоп, в кухне – новости.

И сейчас на экране Савелий Андреевич собственной персоной. Стоит у здания суда, солнце ему, бедняге, прямо в глаза светит, но темные очки адвокат не надевает. Страдает во имя образа – честного и искреннего защитника интересов своего несправедливо обвиненного клиента.

И лечит, лечит. С удовольствием и вздохом.

В его простоте и правда есть нечто дьявольское. Мне кажется, даже мама это чувствует, потому что зависает со странным выражением лица.

Нет, вы только посмотрите! Ни тени сомнения у Исхакова.

Наконец, Люба находит пульт управления и прибавляет звук. Савелий Андреевич говорит еще несколько слов и тут же уступает место ведущему.

– Саша, а кто это? – переспрашивает мама. – Такой представительный. Какой-нибудь политик?

– Что-то больно быстро вернул нашу украденную Сашу господин политик, если речь о пятнице, – критикует отец, который уже справился с препятствиями и теперь стоит рядом с экраном. – Подозрительное дело. В мои годы если воровали девочку с танцев, так хотя бы до полуночи. А то и на всю ночь.

Девочке через два года тридцать – это к сведению.

Я жестами показываю папе: не наш вариант. И интерес у него угасает.

– Это коллега. Мы случайно встретились у фуршетного стола, перебросились парой слов.

– Я спрашиваю у Степана, где Саша, а Саши и след простыл! – включается Маргарита.

– Да наша Саша – роковая красотка! – подкалывает папа. – И Степан, и коллега, вот только в девять вечера она уже дома кефир дует.

Я показываю язык и взглядом прошу Марго прекратить эту балаганную линию.

Она серьезнеет:

– Ты всегда говорила, у вас там выбрать не из кого. Ха-ха. Я бы уж точно не упустила такой шанс.

– Да, почему просто коллега? – встревает Люба. – Конфликт интересов? Или что-то сложное, как у вас там бывает?..

– Какая тяжелая профессия, – нагнетает мама. – Даже на свидание сходить нельзя, все под запретом. Конфликт на конфликте.

– Он опасный тип, – говорю я, когда удастся втиснуться в обсуждение. Наливаю себе кофе.

– О да! – ликует Марго. – Тут поподробнее, пожалуйста.

– Не в этом смысле. Эм, перестань радоваться... Правда опасный. Любая связь с ним – и я рискую работой.

– Потому что он симпатичный, холостой и при деньгах? Ну а что? Кольца нет на пальце, я обратила внимание, когда он вернулся, проводив тебя. Степан с него потом глаз не сводил, кстати. И даже подошел с девчонками познакомиться, но твой коллега ушел один.

Зачем Савелий задержался, если в итоге ушел один? Его пиджак я оставила в гардеробе, других причин не было. Ждал, что я передумаю и вернусь? Снова загадки. И все же в самой глубине души мне чуточку приятно, что «секс-спикер» не стал развлекаться после моего ухода.

Вздыхаю.

– Это все, конечно, мило, но он решает дела через взятки, а меня за такое еще и посадить могут. Будете передачи носить, сводники?

– Вот черт, – тихо говорит папа.
– Он богат, только денежки эти грязные.
– Могла бы тоже стать чуточку богаче, не будь ты столь принципиальной, – замечает Люба.

– Сама бы и взяла взятку, раз так все просто.
– Взяла бы, да никто не предлагает, – смеется она.
– Не дай бог тебе ввязаться в спор, где берут судьи, помощники и все остальные.

Я много думала о том разговоре с Савелием, но так и не смогла определиться, как поступить. Исхаков не глуп. Если он предложил мне деньги напрямую, значит, его что-то или кто-то натолкнул на это. Вопрос в следующем: рассказать ли Савенко? У нас хорошие отношения, однако подобного рода нюансы мы никогда не обсуждали.

По закону следует заявить. Но я тоже не дура, и мне совсем не хочется стать инициатором скандала, когда на кону назначение на должность судьи. Гаянэ Юрьевна еще пару лет назад посоветовала избегать лишнего внимания, чтобы не выглядеть чрезмерно рьяной или вызывающей.

С другой стороны, Савенко может узнать о попытке подкупа позже, в таком случае я попаду в еще более затруднительное положение, оказавшись между двумя жерновами: совестью и вероятной служебной проверкой.

Ну спасибо, Адвокат дьявола, раскурили трубку мира. Может, на шопинге получится отвлечься и ответ придет сам собой?

* * *

Ответ не пришел ни в воскресенье, ни в понедельник.

Раннее утро, половина восьмого. Я глушу двигатель на парковке у здания суда и ловлю в зеркале свое отражение. Ладно. Разберемся.

Пусть я так и не решила, как поступить с продажным адвокатом, но шопинг все же даром не прошел. Кое-что из покупок – пыльно-сиреневую рубашку и сережки – я планировала надеть прямо сегодня, даже примерила после душа, однако в последний момент выбрала привычную строгую блузку и завязала волосы в тугий пучок.

Не знаю почему.

Просто... братишка с Любой за завтраком разобрали мой внешний вид на атомы. Начали расхваливать детали, и я почувствовала себя неудобно: на работе точно посмеются. Быстро переоделась.

Сережки тоже смотрятся глупо, снимаю их и убираю в бардачок.

Меняться сложно. Я не хочу выглядеть, как будто «стараюсь изо всех сил». Унизительно. Умом-то понимаю, что наряжаться (в разумных пределах) нормально, но внутри образовался блок, и его невозможно сломать.

Наверное, женственность – это не про ум и не про «ломать». Вот только про что?

На выходе с парковки меня догоняет новенький пристав по фамилии Синицын. Имя, увы, вспомнить никак не получается. Он только-только поступил к нам и ужасно волнуется, боится ошибиться. Парнишке едва за двадцать – худощавая фигура, нервно сжатые губы и куча немых вопросов в больших голубых глазах.

Я прекрасно помню себя на последнем курсе и даю несколько общих советов, которые помогут новенькому продержаться, пока не вырастут зубки.

Понедельник выдается горячим: Кристина вышла на работу, но мне все равно приходится присутствовать на нескольких заседаниях, чтобы быть в курсе событий.

Да и Савенко попросила составить компанию. Некоторые юристы отличаются повышенной эмоциональностью и вспыльчивостью, которую она не переносит на клеточном уровне.

Итак. 15:10. Зал 312.

Работаем на пределе.

Заседание идет восьмую минуту, но ситуация уже вышла за рамки штатной. Представитель ответчика решил говорить мало того, что не вставая, так еще и одновременно с судьей.

Это не наглость, это тупость. Опыт подсказывает: правда на стороне ответчика, однако юрист может все испортить.

– Представитель, не перебивайте, – повторяет Савенко, чуть прищурившись. Она в бешенстве.

– Но это важно! – Он без пауз продолжает нести чушь.

Синицын с прямой, будто спицу проглотил, спиной медлит. Либо нервничает, либо тупит, что, впрочем, не имеет значения. Атмосфера звенит.

Юрист машет руками. Пристав стоит у стены и не двигается.

Савенко не скажет прямо, но, если ей придется повысить голос, она просто вышвырнет новенького за профнепригодность.

Представитель ответчика выступает уже почти в проходе между столами.

Я поворачиваюсь к Синицыну. Не спеша. Спокойно. Держу лицо. Нельзя, чтобы участники заседания догадались, что у нас тут небольшой рассинхрон.

Обычно прямой взгляд судьи или помощника – красная кнопка, но пристав, поймав мой, приветливо улыбается.

Просто чудесно.

Я говорю вполголоса:

– Пресеките.

Парнишка дергается, делает шаг вперед, но слишком вяло, словно ждет подтверждения.

По лицу Савенко проскальзывает негодование. Кристина наслаждается движухой, ей обычно ужасно скучно, а тут будет что обсудить с Дождиковым на обеде. Я произношу чуть громче, но не повышая тон:

– Синицын. Немедленно восстановите порядок.

Он подскакивает, как ужаленный, и наконец встает между представителем и столом судьи.

– Вас предупреждали. Вернитесь на место, иначе будете удалены.

Мужчина фыркает, но отступает.

Синицын краснеет до корней волос, тем не менее заседание спасено и продолжается.

Я не придаю случившемуся значения: редко, но бывает. Вспоминаю об инциденте лишь минут через двадцать, когда выхожу в коридор и юный пристав останавливает у лестницы:

– Александра Дмитриевна... я... простите. Я не сразу понял, что он... что вы...

Я смотрю прямо.

– Вы обязаны просчитывать ситуацию наперед. Времени на «не сразу» попросту нет, понимаете? На заседании у нас всех свои роли, сегодня мне пришлось выполнять еще и вашу. И я устала.

Синицын кивает, снова покраснев:

– Еще раз извините, я очень виноват.

Вздыхаю. Ну что я за робот? Бесчувственный винтик системы.

– Мне не нужно, чтобы вы чувствовали вину, – говорю чуть мягче. – Но поймите: работа у нас сложная, нервная, и порядок необходим.

– Я учту.

* * *

Я не солгала Синицыну: ответственности много, нервные клетки тают, как снег на теплой ладони, поэтому та рядовая ситуация забывается напрочь примерно через минуты две.

Однако на следующий день в семь двадцать утра, когда я уже заканчиваю редактировать резолютивную часть, в дверь стучатся. Не секретарь – та открывает сразу.

Несмотря на слишком раннее время, почему-то думаю о Исакове и проверяю блузку – нет ли складок. Патчи сняла – это точно. Волосы аккуратно зачесаны.

– Можно?

Синицын. Стоит на пороге, держит в руке стаканчик кофе с крышкой и салфеткой, как поднос в бюджетной кофейне.

Эм. Что?

В первую секунду мне кажется, что из-за усталости я забыла, что вызвала в кабинет пристава.

И главное – забыла зачем!

Мне же не нужно.

Недоуменно моргаю, в спешке пытаюсь придумать более-менее адекватную причину, когда он сам нарушает молчание:

– Доброе утро, Александра Дмитриевна. Знаю, вы очень заняты... – На секунду Синицын теряется, но трогательно вздергивает подбородок: – Я не сразу понял, как сильно перегнул с задержкой. Родители мне все объяснили дома. Я хотел сказать, что больше не подведу вас.

Медленно киваю. Юный пристав в роли рыцаря – зрелище странноватое, особенно для такой рани. Но вообще-то мне нравится работать с теми, кто готов учиться.

Не каждый умеет. Не каждый в принципе считает нужным.

– В следующий раз будет лучше, я не сомневаюсь, – подбадриваю.

Синицын ставит стакан на край моего стола.

– Капучино без сахара и с корицей. Вы вроде бы не пьете сладкое. Я навел справки.

На секунду я улыбаюсь:

– Верно, спасибо.

– Из вас получится отличная судья: честная и справедливая. Еще раз спасибо от души. Ну, я пойду. – Он разворачивается и уносится прочь.

Все – предельно корректно.

Я делаю глоток горячего кофе и искренне улыбаюсь новому дню. На самом деле я люблю свою работу и всегда радуюсь, когда получается кому-то помочь.

* * *

Следующим утром отваживаюсь надеть пурпурную рубашку и сережки.

Наученные понедельником, брат с женой не позволяют себе ни единого комментария, и это тоже царапает. Я безумно люблю свою семью, но кажется, что еще полгода столь близкого соседства, и мы переругаемся.

В суде, впрочем, мысли возвращаются в рабочее русло – высохшее и слегка пыльное. Я бодро иду по коридору, когда ощущаю внезапную волну сигаретного дыма и слышу голоса.

Погода прекрасная, поэтому все окна и двери настежь, в том числе в курилку. Точно, ее же перенесли на внутренний балкон второго этажа.

До меня доносится тонкий смех Вероники. Мы редко пересекаемся по работе, и я решаю пройти мимо, не поздоровавшись.

– Вам смешно, а у Яхонтовой-то кавалер появился!

Останавливаюсь как вкопанная.

– Это кто еще? – интересуется Дождиков.

– Пристав новенький ей кофе носит. Славный такой мальчишка.

– Да брось, она у нас неприступная. Спорю, даже свидания строго по уставу, – отвечает Дождиков слегка насмешливо, и мои щеки начинают гореть.

– Ты просто не слышал, как она говорит: «Пресеките», – это уже Кристина. – Словно воды ледяной за шиворот плеснула. Может, у мальчишки фетиш – строгие мамочки?

– Рано ей еще в его мамочки. Хотя сколько ей, кстати?

– Под сорок, наверное.

– И все равно, – не унимается Вероника, чуть понизив голос. – Не зря Савенко сказала, что умница Саша хоть бы с приставом замутила, а то совсем одинокая. Жаль ее.

– Савенко так сказала? Серьезно?

– Ага, в обед. Я случайно услышала, она мимо шла с Тарасовым.

Взрыв смеха.

Глава 9

Я медленно моргаю, пытаюсь осмыслить.

И не могу удержать слезы.

Что делать, знаю: зайти, поздороваться громко, дать сухой комментарий. Чтобы им всем неудобно стало. Выдержать взгляды. Не сломаться.

Как будущая судья, я должна быть беспристрастной во всех сферах жизни, даже в личной. Слезы.

Дурацкие слезы!

Борюсь с придавившей волной эмоций. Губы кривятся, как у маленькой. Уголки тянет вниз.

На новую блузку падает капля. И я понимаю, что не смогу.

Не смогу с собой справиться.

Мои шаги тихие и быстрые. Как мышь пугливая, добегаю до туалета, закрываюсь на замок и нервно мою руки.

Сердце так сильно колотится. Так сильно, боже.

Я снимаю сережки. Ищу резинку в глубокой сумке и, найдя, стягиваю волосы в строгий тугой пучок.

Смотрю на свое отражение. Дышу ртом прерывисто. Нос щиплет, а глаза снова и снова наполняются слезами.

Почему слова коллег так задели?

Обычные сплетни. Банальщина. Какое мне вообще дело?

Кто они мне? Никто.

Почему так невыносимо ощущать чужую жалость? Их жалость. Их смех.

Становится зябко, и я обнимаю себя руками.

Держусь. Держусь.

А потом горько всхлипываю и реву.

Сама в шоке от того, что так больно меня это ранило. Трясет. Смотрю на себя и понять не могу, почему рыдаю. Тихо, жалобно.

Перестань. Перестань ныть, тряпка!

Разозлившись, я надеваю долбанные сережки, вытираю слезы, а они все льются и льются. Катятся по щекам, падают в раковину.

Вдох-выдох.

Надо собраться.

Как мне одиноко. У меня все прекрасно – друзья, семья, работа.

Почему же в душе так одиноко? Подколки будто точно в цель попали, где мягко и уязвимо. В яблочко.

Прорывавшись и промокнув глаза салфетками, я тряс у лица ладонями. Надо взять себя в руки, у меня так много сегодня работы. Чудовищное количество.

Просто чудовищное.

«Александра, доброе утро. Я тебя потеряла», – падает на телефон от Савенко.

Я не знаю, в курсе ли судья, что обо мне сплетничают. Даже если она действительно сказала такое Тарасову (а они давние друзья, еще учились вместе), то точно не хотела, чтобы шутка дошла до моих ушей. Хочется верить.

Нужно забыть.

Но как же больно.

Как больно.

Лицо красное.

Надо пройтись, иначе заметят. При мысли, что о моем сломе узнают, пронзает ужас!

Пишу Савенко: «Доброе утро! Я на работе, но решила сходить за кофе. Вам взять как обычно?»

Я выхожу в коридор и сбегая по лестнице. Пристав Синицын поднимается с двумя пластиковыми стаканчиками. Уж не знаю, ко мне ли он направляется, но я проношусь мимо.

«Конечно, буду благодарна», – отвечает Савенко.

«Тогда буду через десять минут».

«Ну что за умница наша Саша! Жду с нетерпением».

И я снова плачу.

* * *

17:30. Архив. Судебный корпус, подвал. Все еще среда

Я спускаюсь в архив, чтобы отнести документы на подпись и забрать карточку движения дела. Пять минут на все про все.

Здесь всегда тихо и слегка влажно, как в библиотеке без окон. Я тяну за ручку, просовываю в проем плечо. Руки заняты подшивкой, поэтому придерживаю дверь коленом. Она тугая, я мешкаю, невольно слушая голоса за стеллажами.

Первый узнаю сразу: низкий, нетерпеливый, с насмешливыми интонациями. Излишне самоуверенный на мой вкус.

– И что же было потом?

Савелий Исхаков. Серьезно?

Желание прийти попозже вспыхивает сверхновой, но тащить все эти документы пешком по лестнице обратно... Нет уж, не могу я дать себе еще один повод для презрения.

Второй голос – молодой, женский, такой сбивчивый, что едва разбираю слова.

– Я скопировала формулировку из запроса Салтыкова. Она там была, я проверила, честное слово.

– Ты не верифицировала источник, – спокойно говорит Савелий. – Просто увидела ссылку и априори сочла ее действующей. Даже копирайтеры БАДов перепроверяют, на какие документы они ссылаются. Яна, с каких пор юрист позволяет себе работать «на веру»?

Я все-таки протискиваюсь в дверь, и та мягко закрывается. Делаю несколько шагов вглубь зала.

Перед стойкой архивистки стоят Савелий и девушка лет двадцати трех с сильно зачесанными назад волосами и красными как свекла ушами. На столе разложена папка дела.

– Этого решения нет, – продолжает Исхаков, не повышая голоса, – а значит, ты официально сослалась на судебный акт, которого не существует.

– Но... я...

– А судья уже включил его в обоснование. Понимаешь, чем грозит? – Пауза. – Мы не просто выглядим глупо, мы даем повод заявить о фальсификации. – Пауза. – Ну почему, почему ты не сказала? Еще вчера это была бы банальная ошибка, сегодня – повод для дисциплинарки.

Стажер, а это очевидно она, молчит. Даже дышит будто с трудом. Савелий глядит на нее не с ненавистью – с требовательной, безжалостной ясностью. Ждет.

Ждет. Ждет.

Наконец, вздыхает:

– Я не могу тебя прикрыть, если ты не понимаешь, за что тебя прикрывают.

– Грызть гранит науки тяжело. – Голос архивистки Маши звучит по-матерински заботливо, что редкость.

Савелий берет в руки документы и только тут замечает меня. Смотрит на полсекунды дольше, чем надо, слегка кивает и произносит вслух:

– Александра Дмитриевна.

Его пиджак расстегнут, галстук чуть ослаблен. Вид в целом уставший, но взгляд – как всегда: внимательный, неприятно цепкий.

Девушка-стажер пялится на Исакова как на бога, со смесью восхищения и ужаса.

А я...

Я, вспоминая свои пятничные попытки флирта, вновь ощущаю себя дурочкой и киваю в ответ:

– Добрый вечер. Надо же. А я-то думала, вы появляетесь только в залах, где есть публика. Савелий усмехается, будто приободрившись. В его глазах вспыхивает что-то вроде азарта.

– Вот видите, бываю и в архиве. Иногда нужно опуститься на уровень бумажной цивилизации. – Он подмигивает архивистке, и та миленько хихикает.

Да ладно. Маша?!

Я кладу подшивку на край стойки. Не улыбаюсь, но угол губ все же предательски дергается в попытке. Вот засранец.

Стажер Яна вежливо и громко здоровается, киваю и ей.

Большое искушение – проехаться по ее ошибке, ведь это *его* стажер и отвечать будет *его* адвокатская фирма. И *он сам*, разумеется. Я могла бы размотать ситуацию на молекулы и так отыгаться за слезливое утро и отомстить за пятницу, но... сама недавно воспитывала пристава, поэтому... делаю вид, что ничего не слышала.

– Так что, вы здесь по делу или экскурсию проводите?

– Знакомлю молодняк с духом старого процесса. – Исаков демонстративно громко вдыхает. – М-м-м. Чувствуете?

– Запах пыли? Картонных папок? Жженой сажы?.. – Последнее из-за тонера.

– Точно. Остатки доцифровой эпохи. Если серьезно, тут пахнет, как на моей первой работе. Только приятно тихо, не слышно воплей прокурора. – Савелий морщится.

Я тоже проходила практику в полиции – знакомо. Чтобы не улыбнуться, я принимаюсь заполнять строку в карточке, перепроверяю номер дела.

– Кричать тут никому не позволено, – веско замечает Маша.

И Исаков ей подмигивает. Да боже!

Я сосредотачиваюсь на своей задаче, а Савелий, видимо успев разглядеть, как сильно я закатила глаза, подходит ближе. Опирается рукой о край стойки.

– На самом деле, Александра Дмитриевна, у нас небольшая учебная тревога. Яна решила, что ссылки обладают самоочевидной юридической силой, и упорно не признается. Не поделитесь судейской мудростью, раз уж нам повезло перехватить вас в подвале?

Я протягиваю Маше свой талон и возвращаюсь глазами к Яне:

– Легко. Запомните: страшно не то, что вы ошиблись, такое бывает, все мы люди. И поверьте, никто здесь не мечтает живьем сожрать юриста. Самое неприятное – это когда твоя ошибка уже в чужом решении. Больше всего на свете судьи ненавидят выглядеть глупо. С кем у вас?

Стажер краснеет еще сильнее:

– Тарасов.

Качаю головой:

– Тогда готовьтесь. Он будет помнить долго.

– Ну е-мое, – опускает голову Яна. – Мне капец.

– Да ладно, Савелий Андреевич точно придумает, как выкрутиться. Кстати, в первый месяц работы помощником я сослалась на судебный акт, который еще не был опубликован. Думала, провалюсь сквозь землю.

– Смело. – В голосе Исакова проскальзывает... восхищение?

Он в восторге от моей дерзости? Или от того, что я спокойно признаю ошибки?

Наши глаза совершенно неожиданно встречаются. Дьявольские они у него. Опасные. Порочные.

Мое сердце начинает глухо гудеть. Я не понимаю, почему Савелий снова так смотрит на меня, – нагло, слишком лично, – и не могу сообразить, как реагировать.

Что ему надо от судейской мыши? Не серьги же мои его впечатлили.

Тоже хочет остроумно посмеяться? Так почему медлит?

Секунду мы сверлим друг друга взглядами, после чего я, словно напившись бешеным вниманием Исакова, весело пожимаю плечами и щелкаю его словами по лбу:

– Ну, по крайней мере, он существовал. В отличие от вашего.

Савелий смеется. Коротко, низко, тоже весело.

Взгляд с меня так и не сводит. Я расписываюсь в журнале, но краем глаза-то вижу. О своей стажерке он позабыл напрочь, словно та не мнется за его спиной.

Деревенский выскочка.

Подпись выходит кривоватой.

Маша наконец вручает мне карточку. Я беру бумаги и отхожу к дальнему столу, чтобы сосредоточиться.

Исаков вспоминает о Яне, дает ей пару распоряжений, и она проносится к лестнице, не забыв вежливо проститься со мной и Машей. Едва за ней закрывается дверь, Савелий снова подходит ко мне.

– Знаете, – говорит он вкрадчиво, – иногда я думаю, что вы – самая опасная женщина в этом здании.

– Зачем вы вообще обо мне думаете? – интересуюсь я у него совершенно равно.

– Выпейте со мной кофе, Александра Дмитриевна, – просит Исаков. И добавляет чуть тише, с оттенком почти человеческой слабости: – Умоляю.

Мои глаза округляются. Маши не видно – отошла.

Я здесь совсем одна, зажатая в угол двухметровым дьяволом.

Он уточняет:

– Всего одну чашку.

В груди взрывается паника, и меня накрывает волной необъяснимого жара. Тут же выпаливаю:

– Ни за что.

Это не просто «нет».

Это НЕТ.

Или даже: НEEEEEEEEЕЕТ.

Или даже: «Я лучше умру».

Категоричное. Резкое. Основательное «нет».

Словно звонкая пощечина по всему отполированному эго Исакова.

На мгновение повисает тишина.

Маша медленно вздыхает где-то там вдали, а потом принтер начинает громко печатать.

Воздух становится гуще.

Савелий кладет свои бумаги на стол рядом с моими и бесцельно их листает.

Упертый гаденыш. Вы посмотрите только. Любой другой бы оскорбился и уже отвалил.

– Ладно, – говорит он. – Удачи вам с архивом.

Сдался? Я этого и добивалась, но победе почему-то не радуюсь. Какая непредсказуемая я дамочка.

– И вам удачи с делом, Савелий Андреевич. Постарайтесь не обольстить архивистку. Она замужем.

– Это никогда не было препятствием.

Что?!

Будто невзначай, но с точным прицелом Исаков произносит:

– Кстати... – И замолкает.

Я вынужденно поднимаю взгляд. Мы смотрим друг на друга.

Принтер старательно печатает.

Маша снова вздыхает.

Савелий медлит. А у меня тело начинает гореть. Шея, грудь, руки. Он, как будто почувствовав это, скользит взглядом сверху вниз, до моей талии. Кофточку разглядывает? Плавно возвращается к подбородку. Чуть приоткрывает рот.

Я делаю то же самое.

Кожу очень сильно покалывает.

Надо было надеть водолазку.

Да боже мой, говори быстрее!

Я не могу так надолго задерживать дыхание, а ты стоишь слишком близко. И по-прежнему потрясаяще пахнешь. Просто до слез волнующе. И я всей своей женской сущностью против воли и разума тебе симпатизирую.

Какой он высокий, боже ты мой! Разве такие высокие мужики бывают вне баскетбольных площадок? Руки большие, пальцы длинные. Кто его пустил на юридический факультет? Почему его не забрал под крыло какой-нибудь ушлый тренер?

– В пятницу я, кажется, немного... переиграл, Александра Дмитриевна.

Вновь возникает пауза.

Зачем он так странно произносит букву Р в моем имени?

Медленно вдыхаю, и его запах заполняет легкие.

Савелий слегка хмурится и продолжает:

– Не знаете, случайно, дошло ли до Гаянэ Юрьевны какое-то... альтернативное толкование нашей беседы?

Уголок моих губ дергается.

Перевожу на русский: Исаков спрашивает, сказала ли я судье, что он намекал на взятку. Причем спрашивает так, будто между нами не этика, а один вопрос: сдала или нет.

На этику ему плевать. Я усмехаюсь.

И делаю вид, что не понимаю, о чем речь.

– Вы часто рассчитываете, что женщины будут потакать вам и молчать? – Стреляю глазами в сторону стойки, за которой прячется Маша.

Мы ведь все еще обсуждаем крепость ее брака, не так ли?

Савелий улыбается не сразу. Но очень мило.

– В вашем случае – надеюсь.

В *вашем* случае.

Сейчас он говорит прямо.

Он... извиняется.

Я смотрю ему в глаза.

– На первый раз вам повезло.

Исаков кивает:

– Уже понял.

Ничего больше не сказав, он уходит. Я же еще некоторое время стою на месте и торопливо дышу.

А когда, успокоившись, направляюсь к выходу, Маша делится:

– Вокруг этого адвоката столько искр. И как мои бумаги еще не вспыхнули!

– Видимо, влажность в архиве достаточно высокая, – иронизирую я в ответ. Не люблю, когда со мной шутят в таком ключе.

– Влажность и правда повысилась, – хихикает она.

Маша!

– Бумага, к счастью, не горит от чепухи, – сухо пресекаю, покидая подвал.

А вот щеки – очень даже горят. И уши тоже. А еще...

Влажность. Маша действительно произнесла это вслух?

Я напрягаю низ живота – его тут же током простреливает, и от смывания я сбиваюсь с шага. Интересно, как Савелий занимается сексом? Он грубый и жадный или, напротив, нежный и внимательный? Я его ниже сантиметров на тридцать. Это вообще физически возможно?

В груди так и ноеет.

Это его «умоляю». Господи.

Через неделю у нас общее заседание.

К которому нужно как следует подготовиться. Точно надеть водолазку!

А сейчас... выйти на балкон и подышать свежим воздухом.

Глава 10

Савелий

Конец августа

Все утро мы трахались с Дарьей. Я так увлекся, что пропустил еженедельный завтрак с философом. Поэтому, несмотря на легкость в паху, ощущаю себя не до конца удовлетворенным.

Иногда мне не хватает долгих задушевных бесед. Столица хороша возможностями, но здесь у меня нет никого, кому можно было бы доверять по-настоящему. Никто не рос на моих глазах, не падал и с моей помощью не поднимался, понимаете? Впрочем, почти все друзья моего детства спились или были убиты. Я – ошибка выжившего.

Ночью в Москве светло, как днем, при этом я здесь как в самом темном лесу, где каждый первый встречный – потенциальный враг. Некоторые из них, правда, щедро платят за защиту.

Собираемся мы с Дашей в спешке, выходим из подъезда синхронно. Сегодня суббота, но оба работаем. Напоследок я оцениваю очертания ее задницы под длинной серой юбкой с разрезом и на секунду задумываюсь: кого-то она мне напоминает. Строгий костюм, уверенный взгляд, все еще красные щечки. В последнее время меня тянет на женщин-карьеристок. Что бы это значило?

В постели Дарья хороша, должность занимает высокую. Но какая же скука с ней разговаривать. Пять минут, и я улетаю мыслями в такие дальние дали, что и не признаешься в приличной компании.

Шесть часов спустя

После рабочей встречи я пью кофе в торговом центре. Чтобы не терять ни минуты, набрал по видеосвязи Радку, вдову моего лучшего друга. В моих ушах айподс, она говорит по громкой.

– ...В каждом лорде должно быть процентов пятнадцать варварской крови, – рассказываю я ей. – Между прочим, известная английская поговорка.

Близнецы за спиной Рады начинают пищать, и она кривится.

– Сейчас, минуточку. У них мультик завис.

– Разве детям можно так рано включать телевизор, мамаша?

– Пошел к черту, Святоша! – рявкает мелкая, и я смеюсь.

Рада собирает растрепанные волосы в нелепый пучок на макушке. Я так понимаю, если она и расчесывалась на этой неделе, то точно не вчера и не сегодня.

На ее растянутой майке пятна, лучше не думать от чего. На лице остались одни огромные глаза, под которыми не менее огромные синие круги. И это, кстати сказать, сделал с ней мой лучший друг. Я имею в виду: подарил детей и отчалил на тот свет. Ну и я тоже при делах, раз не смог предотвратить его убийство. Сейчас бы Адам таскался вокруг Радки с таким же пучком на голове. Забавно.

Тоска порывом холодит душу. Я залпом допиваю кофе, чтобы разогнать пульс и тем самым согреться.

Доносится мелодия заставки мультфильма, и Рада снова появляется перед камерой.

– Выглядишь ужасно, – сообщаю честно. – Не знал бы, сколько у тебя денег, подумал бы, что ты нищенка подзаборная.

– Это потому, что в твоих крестниках не пятнадцать процентов варварской крови, а все сто. – Она сдувает с лица выбившуюся прядь. – Что об этом скажут сэры-англичане?

– Что ты мать-героиня.

– Спасибо. А ты почему печальный? Как дела?

Я морщусь, вспоминая уголовное дело, за которое взялась моя фирма. Сегодня весь день выстраивали линию защиты. Прошлым вечером в мой южный филиал пришла девочка-подросток и рассказала, что отчим по приколу накормил ее трехлетнего брата стеклом, а мать чешет, что тот сам наелся. Ребенок чудом выжил, но скоро вернется в крошечный ад, то есть домой. За новыми испытаниями. Если мы допустим.

Тру лицо.

– Я ужасно устал от людей, Рада. Ненавижу их, блин, всей душой.

Ее сильная сторона – чуткость. Радка поджимает губы.

– Держись, родной. Это пройдет.

– На хрен. Пройдет это, будет следующее. Забей. Где твой мужик?

– Работает.

– А помочь тебе не хочет?

– Это не его дети, он мне ничего не должен. А тот, кто должен, завещал меня тебе. Ха-ха-ха! Так что, будь добр, разузнай про этого Северянина побольше. Он агрессивно скупает наше побережье, и мне немного страшно.

Мы недолго обсуждаем перспективу продажи ее отеля инвестору.

Прошло уже почти полтора года со смерти Алтая, но Рада упорно не верит. Ждет его. Иногда мне кажется, что она безумна. И с одной стороны, ее неадекватная любовь к Алтаю тешит мое эго, я бы хотел, чтобы она всю жизнь любила и чттила только его. С другой – понимаю, как это жестоко.

– А Ростик что говорит?

Я знаю, почему строитель так вьется вокруг мелкой. Знаю, зачем он на ней женился. Логика проста и банальна – Рада для него недостижима. Ростислав мнит себя альфа-человеком, такие обычно требуют преданности, а получив – начинают считать ее капитуляцией. Женщина, которая любит мертвого, – самый лакомый кусочек. Но это их игрища, я не вмешиваюсь. Мне главное, чтобы чел грел Радкину кровать, когда ей захочется и так, как ей захочется. Иначе девочка совсем крышей съедет от своего горя, а у нее дети. Пока он это делает, мне пофиг.

– Он с тобой согласен. Мы аллею доделаем и, наверное, сгоняем в Москву на конференцию. Северянин вроде бы подтвердил участие. Ты пока узнай про него что-нибудь, ладно?

– Заметано.

Я в очередной раз машинально оглядываю ресторанный дворик. Цепляюсь глазами за длинные, почти до талии, собранные в низкий хвост волосы. На автомате оцениваю стройную фигурку: юбка-карандаш и белая водолазка одновременно прячут и подчеркивают достоинства. Строгость на той грани, когда она уже переходит в сексуальность. В паху слегка печет, хотя утро было жарким. Прикол.

Я задерживаюсь взглядом чуть дольше, чем позволено в обществе. Нравится мне этот типаж в последнее время. Как наваждение.

Девушка, мелькнув каштановой макушкой, скрывается в очереди за фастфудом.

Пишу сообщение Дарье: «Сегодня в силе?»

– Приезжай, как сможешь, – болтает Радка. – Я ужасно по тебе соскучилась.

– В этот бедлам? Увольте. – Я смеюсь вспыхнувшей в ее глазах ярости. – Не злись, приеду. Ладно, не пропадай. Мелких стопроцентных варваров от меня поцелуй.

Кофе закончился, а за новой чашкой идти лень. Я слушаю несколько сообщений от Виктора, который теперь ведет дело того ребенка. Вите хреново. Его голос срывается трижды за минуту. Мой – звучит удивительно ровно, словно у меня давным-давно нет души. Продана.

Пальцы быстро перебирают четки, мнут толстые бусины.

Даю Вите несколько советов и прошу быть на связи.

Мобильник вибрирует: Дарья решила перезвонить. Хватило бы «да/нет».

Я принимаю вызов и направляюсь к выходу.

– Привет, – говорю. – Я работаю. Сегодня в семь в силе?

– Привет. Конечно, – мурлычет она.

– У тебя, у меня?

– У меня. Только я не успею приготовить, закажу ужин на дом. Ты не против суши?

Я уже почти у эскалатора, когда наперерез выходит Александра Яхонтова. Встреча настолько неожиданная и незапланированная, что останавливаюсь и смотрю на помощника судьи Савенко в упор.

Темная юбка, белая водолазка... так это я ее видел в очереди. То-то у меня привстал. Эта сучка с прямым взглядом так и норовит вывести меня из себя.

Водолазка, кстати, грудь облегает словно вторая кожа, и я отмечаю, что у нашей серой мыши навскидку тройка, оказывается. Кто бы мог подумать?

Что-то подсказывает, что если я продолжу смотреть, то увижу очертания сосков. Или получу по роже. И первое, и второе – перебор.

Я перевожу взгляд на мальчика в оранжевой вырви-глаз футболке, которого Яхонтова держит за руку так крепко, что еще немного, и конечность у ребенка побелеет.

– Не против суши, – говорю я, улыбнувшись. И лицемерно добавляю громче: – Закажи побольше, котенок.

– Конечно! – Дарья мешкает, очевидно раздумывая, насколько уместно назвать меня ласковым прозвищем в ответ. Принимает верное решение и выпаливает: – Целую!

– И я тебя целую.

Александра чуть улыбается. Едва, уголками губ, ни дать ни взять – полная яда гадюка. Глаза при этом остаются серьезными.

– Здравствуйте, Александра Дмитриевна, – приветствую я, намереваясь пройти мимо.

– Добрый день. Я вас не сильно отвлеку от суши, если попрошу о помощи?

Это какая-то подстава? Меня переполняет скепсис.

Стоило бы сказать «я спешу» и свалить побыстрее. Потому что, во-первых, Яхонтова каждое заседание ясно дает понять, что любое неформальное общение между нами (между ней и кем-то еще) – ей отвратительно. Не спорю, частично сам виноват, но что было, то было. Во-вторых – интуиция.

Я слегка прищуриваюсь.

– О помощи? Заинтригован. Не знал, кстати, что у вас есть дитя.

Александра улыбается шире, мгновенно преобразившись в милашку.

Что за оборотень эта мышь Яхонтова.

– Вообще-то, это мой племянник Матвей, ему шесть. Его родители поручили мне отвезти Матвея на мероприятие, но он сначала захотел пить, а теперь – в туалет. Первую проблему мы решили, однако второй пункт поставил меня в затруднительную ситуацию.

– Саша, а можно быстрее? – начинает ныть ребенок. – Саша, время идет на секунды!

Ее глаза округляются в ужасе.

– Так побежали!

– Я боюсь один! – пищит он.

– Сводите Матвея в туалет, – быстро говорит Александра. – Пожалуйста. Вы ведь мужчина.

– Вы наблюдательны.

– Извините... я сегодня не в себе, – краснеет она в лучших традициях невинных монашек.

– Денек и правда отстойный. Ну хорошо, не будем срывать Матвею вечеринку. Идем, младенец. Покажу, где искать писсуары.

Мы шагаем в сторону нужной вывески.

– Вообще-то я не младенец, – дерзко говорит пацан.

– У тебя образование есть? Диплом?

Он вскидывает на меня удивленные глаза. Я жду ответ.

– Нету.

– Значит, толку от тебя пока как от младенца. Пойдем.

– Берегите его. Я за него отвечаю жизнью. Пожалуйста! – выпаливает вслед Александра.

Мы с Матвеем переглядываемся и обоюдно игнорируем ее неуместное ситуации волнение.

Пацан – бодрый. Видно, что в общественных туалетах бывает нечасто, и я показываю, где достать мыло и как высушить руки, он схватывает на лету. Обратно выходит с лицом победителя.

– Вот ваш младенец, Александра Дмитриевна, в целости и сохранности.

– Я не младенец, Савелий.

Да, мы познакомились. Атмосфера, так сказать, располагала к беседе.

– Я уже достаю до крана. И скоро иду в первый класс! У меня даже портфель куплен! – повышает он голос.

– Даже портфель куплен?! Покажешь?

– Да!

– Огромное спасибо! – Александра сцепляет ладони. – Я вам так благодарна! Вы меня буквально спасли. Я готова была разрыдаться от бессилия!

– Не преувеличивайте.

– Саша, нам пора на праздник! Мы опоздаем. Саша-Саша-Саша, – напоминает Матвей.

– Да, идем. Где тут этот гребаный батутный городок?! – На ее лице мелькает смесь раздражения и паники.

– Гребаный! – повторяет Матвей.

Я чуть прищуриваюсь, не веря, что главная служительница Фемиды позволила себе человеческую эмоцию. Что дальше? Мы набросимся друг на друга в раздевалке?

Александра начинает оглядываться:

– Я же только что видела стрелку... Эти торговые центры просто огромные! Они как лабиринты! Ну почему?! – Выдернутая из судейского антуража, она выглядит беспомощно.

И приставов поблизости нет. Вот досада.

Я показываю рукой направление.

– Вам будет быстрее спуститься на эскалаторе, пройти по второму этажу, повернуть направо и снова подняться.

Паника на лице Александры усиливается. Мне становится смешно.

Я жду, чтобы она попросила.

Жду.

Она вздыхает и смотрит на меня жалобно. В этом ее взгляде столько уязвимости и торжественного смирения, что беру ответственность на себя.

– Давайте провожу. Мне не сложно.

Хэээ, кстати, почему я это делаю. Было бы правильнее зафиксировать победу, чтобы впредь иметь преимущество. Но этого как будто не хочется.

– А как же суши?

– Не остынут.

Мы направляемся в батутный городок, и я слегка касаюсь спины Александры, чтобы указать на поворот. Просто хочется. Касаюсь исключительно кончиками пальцев, не наглею.

Александра при этом вздрагивает, будто ее схватили за зад. Поднимает глаза. Я вдруг четко понимаю, что прямо сейчас она очень несчастна. И решаю этим воспользоваться.

Глава 11

Саша

Минут десять мы с Савелием смотрим на то, как Матвей и его друзья под контролем тренера прыгают на батутах.

Я теряюсь в догадках, почему Исхаков не уходит.

Я так рада, что он не уходит!

Детские крики громкие. Мне кажется, их издают специальные колонки. Пахнет жареным сыром и пищей.

Савелий хмурится, и я почти касаюсь его рукой. Да, мое поведение деструктивно и впервые в жизни я позволяю себе банальную глупость. Молча захлебываюсь запретными эмоциями.

– У Матвея нет аллергии на какие-нибудь продукты? – спрашивает мама именинника.

По возрасту мы с Савелием вполне могли бы сойти за родителей шестилетнего ребенка, возможно, некоторые так и думают.

Я отвечаю, что аллергии нет, молодой человек всеяден.

– Какой удобный мальчик, – хвалит Исхаков.

– Да, я его обожаю. Он такое чудо! Он же не ломает себе ничего?.. Что ж они так скачут-то?..

– Это сын вашего брата, верно?

– Его родители в романтической поездке. А я о вас, кстати, ничего не знаю.

– У меня есть сестра и мать, они живут на юге. У них все хорошо.

Савелий выделяется среди окружающих слишком формальным стилем одежды и высоким ростом, и мне это нравится. Но больше всего мне нравится, что он от меня не отходит. Уж не знаю, какова причина этого. Пусть даже он снова попытается всучить мне взятку. Сейчас мне весело! А может, я ее и возьму?

Да уж. Вот так и слетают с катушек отличницы.

В груди немного шумит, и это мне нравится тоже.

По мне будто каток проехал, впервые за эту неделю что-то чувствую.

Савелий смотрит на часы и произносит со вздохом:

– Что ж. Я не могу найти причины побыть здесь с вами еще немного. Вы, Александра Дмитриевна, затащили тридцатитрехлетнего бездетного мужика смотреть, как детишки скачут на батутах и горках. Что обо мне подумают?

Волнение охватывает каждый сантиметр моего тела. Чтобы его скрыть, я усмехаюсь:

– Если я сейчас начну кричать «Караул!», у вас будут большие проблемы. Особенно с учетом той медийной активности, которую вы сами же недавно запустили. Вы постоянно в телике!

– О, «ГрандРазвитие» будет в восторге, – кивает Савелий.

Я хихикаю.

– Начинаю кричать?

– Начинайте.

Он поворачивается ко мне, и мы как обычно смотрим друг на друга в упор. Я совершенно не понимаю, что между нами происходит, почему моя кожа под взглядом Савелия будто искрится. Мы делаем то, что делаем. Просто потому, что я позволяю себе. Это так опасно, что рядом с ним постоянно возникает ощущение, будто я касаюсь раскаленной сковородки. Отдергиваю палец и опять касаюсь.

Зачем Исхаков тратит на меня время? Я немедленно хочу глупостей натворить. Других кандидатов тут нет. Но ему-то что даст связь с блеклым помощником?

Снова хочется плакать.

Я точно не в порядке. Я в последние месяцы так часто беру себя в руки, что они дрожат от напряжения.

– Вы давно были вместе с тем челом? – спрашивает Савелий.

– С каким?

– С которым мы пересеклись на презентации книги Моржа. Он представился Степаном Урванцевым.

– А. Собирались пожениться в прошлую среду.

– Серьезно? Мне жаль.

Ему не жаль. Вряд ли Савелий переживал за нашу пару или за какую-то вообще в принципе. Но по его лицу видно, что он смущен и как будто недоволен тем, что нечаянно глубоко копнул. Он аккуратен.

Это мило, и я не могу сдержать улыбку:

– Вообще-то мы были знакомы меньше часа. Обычно мужчины не выдерживают меня дольше.

– Жалкие слабаки, – выносит приговор Савелий, скользя взглядом по моей шее, плечам, губам. – Но вы по-прежнему не кричите, Александра Дмитриевна.

– Пока нет.

– Ну мы пока и не начали.

Его зрачки расширяются, и я поспешно перевожу глаза на Матвея. С племянником все в порядке, он танцует с друзьями под веселую песенку. Я улыбаюсь и машу. Гул в ушах такой, что детей не слышно. Матвейка машет мне в ответ.

Здесь так жарко.

Савелий слегка приобнимает меня за талию, сердце бьется так сильно, что больно. Меня очень давно никто не обнимал... наверное, недопустимо давно для женщины моего возраста. Хотя... мне уже спокойно дают сорок. Кристина на помолвке была такой прекрасной: легкой, воздушной. Обворожительной.

Мне же и правда будто сорок, а последний роман был в универе. Год без мужика, получается, идет за два?

Я робко поднимаю глаза на Савелия. Он выглядит заинтригованным.

– У вас все в порядке, Александра? Я могу вам помочь?

– Я бы... пригласила вас на кофе в обмен на то, чтобы вы нас вывели из этого здания после программы... но у вас суши по плану, – произношу неуверенно. Сама думаю: какая я скучная.

– Я не хочу больше кофе.

– Покупку стейка я, наверное, сейчас не потяну. У меня ремонт в разгаре.

– Да не переживайте вы так. Если отбросить все минусы, останутся только плюсы.

Я снова улыбаюсь. Савелий сейчас уйдет, и я опять погружусь в пучину отчаяния.

– Кстати... – произносит он.

Опять задерживаю дыхание. Поворачиваюсь к нему. Я понимаю, что просить поменять планы не стоит, у него там «котенок» какой-то, вряд ли хвостатый, и романтический ужин, но я ужасно устала быть позади всех. Пропускать всех. Переминаться на обочине жизни.

Молчу, конечно.

– Не хотите завтра съездить со мной за город на стрельбище?

– Куда?!

– Пострелять. Пистолет, мишени, бумажные человечки. Ноль крови и риска. Часа полтора пути.

Ни за что!

– Вы поедете компанией или с кем-то?

– Планировал один, но могу заехать за вами. Часов в девять, чтобы не слишком рано.

– Мой адрес...

– Я знаю ваш адрес.

– Ну разумеется, знаете.

Я безумна. Просто безумна. Быстро моргаю.

– Нам лучше встретиться не у моего подъезда. Аптека «Апрель» на углу.

– Договорились.

– Мы еще не договорились.

– Да ладно вам. Покричим. Будет весело.

Савелий подмигивает и наконец уходит. Стоя с колотящимся сердцем, я перевожу наверняка круглые глаза на взмокшего Матвея.

Это что, свидание? Я согласилась пойти на встречу с участником процесса? Seriously?

В прошлую среду я сгорела в ужасе несправедливости. Скучная серая мышь, неспособная на приключения. Я просто хочу сделать что-то не по плану.

Как решиться?

Я совсем его не знаю.

Если такие, как я, и нарушают правила, то делают это фатально. Я не хотела домой. Теперь я не хочу еще и на работу. Я никуда не хочу.

Разве что... на какое-нибудь стрельбище с Адвокатом дьявола?

Глава 12

Савелий

Вешневекский звонит, едва я сажусь в машину. И первое, что слышу:

– Что там Яхонтова?

Видел нас в торговом центре? Я мгновенно напрягаюсь, но он тут же продолжает отвлеченно болтать:

– Уверен, что «ГрандРазвитие» уже до нее добрались и все порешали. Мой экстрасенс в этом абсолютно уверен.

– Не порешали.

– Савелий Андреевич, мне уже во сне эта женщина снится...

– Попробуйте о ней не думать, – говорю я резче, и Вешневекский замолкает.

Его дыхание тяжелое, частое. Нервы.

– Аркадий Игоревич, вы бы сходили к доктору, мне не нравится ваше настроение. И настрой, что самое главное. Вам выступать в понедельник на пресс-релизе, вы помните?

– Эти сволочи все продумали, я в этом не сомневаюсь. Меня посадят. В конце концов, обязательно. Я знаю. Чувствую это. И все из-за серой мыши, с которой вы никак не можете найти общий язык.

– Мы тоже все продумали. И тоже те еще сволочи.

Вешневекский громко вздыхает несколько раз подряд.

– Вы точно уверены в том, что делаете?

Я не люблю гиперболистические заявления, но успокоить нервного доверителя надо, поэтому перехожу на его язык:

– Мы успешно готовим почву для войны. Этот процесс не быстрый.

– Если судью купят, мы проиграем...

Вспоминаются слова Александры, что я постоянно в телике.

– Не рискнут. По крайней мере, пока шумиха не схлынет.

– А она не схлынет?

– Если вы выступите в понедельник.

– Давайте кого-то подождем к ней? Или я сам могу приехать, скажем, домой...

– Нет.

– Савелий Андреевич... мы теряем время.

– Мы рискуем испортить отношения с судьей. Не вздумайте.

– Мы их уже испортили!

Теперь я вспоминаю наш регулярный флирт с Яхонтовой, например, в архиве или у батут.

– Ни в коем случае. Мы прекрасно контролируем ситуацию.

По традиции при мысли об Александре и ее длинных волосах мое настроение автоматом приподнимается. Наши баталии меня веселят, а ее пылкая любовь к закону интригует. Александра принципиальна, недоступна, умна. Интересно, какая она в постели.

* * *

Дарья ждет минут тридцать, потом начинает есть. Я хожу по ее квартире с мобильным, решая вопросы доверителей. Тот же Вешневекский не может успокоиться и звонит еще трижды.

Каждый раз это долгий, изматывающий разговор, который сводится к общему смыслу: «У нас точно все под контролем? – У нас точно все под контролем».

Мой рот наполнен слюной от режущего голода, и я внутренне раздражаюсь. Закончив, присаживаюсь за стол, хватаю ролл прямо пальцами и съедаю.

– Извини, – говорю Даше мягко. – Работы море.

Она прикладывает палец к губам. Мы договорились не обсуждать дела на свиданиях. Дарья, как и любой хороший юрист, докапистая и нудная. Такая же нудная, как ваш покорный слуга.

Поэтому ужинаем молча. А еще потому, что кроме работы разговаривать-то нам больше и не о чем.

Я размышляю о завтрашнем дне и поездке на стрельбище. Придется сделать крюк до Яхонтовой. Вряд ли она, конечно, решится – слишком осторожна. И разумнее всего было бы не тратить время. Но хочется убедиться лично.

Ее судью продавливают – в этом я даже не сомневаюсь. Плавно. Очень аккуратно. Возможно, Александра мне сама расскажет. Может, предложит что-то. Может, на нее тоже давят и ей страшно? В любом случае мне...

Мобильник вибрирует. Номер неизвестный.

– Котен, прости. Снова, – сокрушаюсь я и принимаю звонок. – Слушаю.

– Савелий Андреевич, это Ирэна. Мне нужна помощь, а Аркаша не отвечает. Это он дал мне ваш номер на случай... ну, ситуаций.

Ирэна – жена Вешневцекого.

– Здравствуйте. Что случилось?

– Я попала в аварию, и эти люди мне угрожают. Seriously угрожают. Я в панике.

– Вы ранены?

– Нет.

– Позвонили в ГИБДД?

– Нет, мне страшно. У них номер три двойки. Я боюсь, это какая-то подстава и мое обращение в ГИБДД... ну, насолит Аркаше.

– Как оно может насолить?

– Я... немного пьяная. Чуть-чуть. С вечеринки еду.

Прекрасно.

– Это все?

Вешневцевская мнется.

– Ну же, Ирэна.

Она выпаливает:

– Немного больше чем просто пьяная.

Потрясающие новости!

– Ирэна, послушайте внимательно. Вы в машине?

– Нет.

– Сядьте в машину, закройте окна и двери и ждите меня. Я же от вас жду геолокацию.

И богом прошу...

– О чем?

– Не позволяйте снимать вас на камеру.

Я целую Дарью в лоб, хватаю еще один ролл и срываюсь с места. Суббота, вечер. И мать их, приключения, о которых не просили.

Глава 13

В конце концов, любой «золотой» процесс сводится к тому, что ты ночью вытаскиваешь из отделения клиента с остатками злоупотребления в крови. Или, если повезет, не позволяешь ему туда попасть. Неважно, о каком городе речь, не имеет значения, что поставлено на карту. У всех свои страсти. Я наблюдаю за тем, как люди их утоляют, и при необходимости вмешиваюсь.

– Игорь, добрый вечер. Что сегодня по алкоголю? Употреблял? – сразу перехожу к делу.

Движок мирно гудит под капотом, прогревается. На улице градусов пять выше нуля – как можно всерьез воспринимать такой август?

– Трезв как стекло, Савелий Андреевич. Куда подъехать?

– Сейчас скину точку. Припаркуйся где-нибудь подальше и дойди пешком, договорились?

– Спешить?

– Предельно. У нас девочка напуганная.

– Лечу!

– И да. Захвати воду.

После звонка водителю я набираю Аркадия Вешневца, но он действительно недоступен. Из последних трех часов субботы Аркадий украл у меня полтора, а сейчас он вне зоны действия сети. И я искренне, всем своим пылким сердцем надеюсь, что мужик принял валерьянку и лег спать пораньше.

Выжимаю педаль газа, параллельно изучая навигатор. Набираю по очереди учредителей, директоров и топ-менеджеров «ОливСтроя», которым мы доверяем. Двое не знают, где Аркадий, трое тоже недоступны.

– Ирэна, вы как? – звоню я минут через десять Вешневце. – Ирэна?

Она послушно сидит в машине на пассажирском сиденье, прячет лицо под кепкой. Страшно напугана и ужасно расстроена. Плачет от страха и бессилия, и мне ее искренне жаль. Так бывает, что день не задается.

– Савелий Андреевич, я боюсь.

Я слышу, как кто-то стучит по стеклу и орет: «Красотка, выходи!», – и раздражаюсь сильнее.

– Они угрожают мне, у одного в руке эта штука... как ее? Бита? Они меня убьют.

– Снимайте их на телефон, я вызываю полицию. Сам буду...

– Нет! Нельзя полицию! Я подставляю Аркашу! Какая я дура, мне так стыдно!

– ...Сам буду через две минуты. Продержитесь на характере, Ирэна? Это сейчас очень важно. Мы с вами одна команда, да?

– Да. Я вам верю. Спасибо.

Самое первое, что нужно понять, – подстава ли это. Потому что если да, то команда «ГрандРазвития» уже в курсе и СМИ будут с минуты на минуты. Я ожидал чего-то подобного перед понедельничным пресс-релизом, но был уверен, что если удар и будет, то по самому Вешневцу, а никак не по его женщине.

Не спортивно.

С другой стороны, еще ни один телеканал не выкатил в сеть ничего про ДТП.

Неужели совпадение?

Превышая скорость, я пролетаю под камерами. Включу штраф в счет доверителю.

Мобильник вибрирует, номер опять неизвестный.

– Слушаю.

– Савелий Андреевич, – заполняет салон машины голос Аркадия. – Мне хана.

Цокаю языком. Но сначала к главному:

– Ирэна попала в ДТП, вам сообщили? Физически она в порядке.
– Боже мой! Точно в порядке? Вы ее видели?
– Нет еще, только еду. Вы сможете тоже подъехать? Я все улажу, но нужно забрать девушку, она сильно испугана, плачет.
– К сожалению, пока нет. Я в ОВД... – Вешневский добавляет название района. Моргаю.
– Почему? Я сейчас приеду.
– Сначала помогите Ирэне. Моя девочка, моя бедная девочка, я представляю, как она испугалась.
– У вас что случилось? Насколько все серьезно?
– Ну, я бы сказал, семь из десяти.
Мы быстро обсуждаем ситуацию, и я даю рекомендации, что делать, что говорить и как себя вести.

* * *

Через десять минут я паркуюсь у белой ауди. Вижу молодняк и выдыхаю. Лет двадцати пяти на вид. Борзые, вспыльчивые, агрессивные. Слава богу.
Я точно любимый сын, пусть не у отца, но у Господа. Читаю короткую молитву благодарности и мысленно рисую крест в воздухе. После чего достаю из бардачка кобуру от пистолета, надеваю на рубашку. Сверху пиджак.
Досадно, что само оружие дома в сейфе, – не успел заехать забрать. С пистолетом конфликтные ситуации обычно разрешаются быстрее. Не самый любимый мой способ ускорения переговоров, но сейчас действительно некогда.
Ночь громкая.
Из окна кафе доносятся хиты «Руки вверх», у ближайшего подъезда толпится молодежь, ежесекундно выкрикивающая витиеватые ругательства. Где-то вдалеке протяжно воет пес, и все это одновременно. Бедность. Мажоры приехали сюда к дилеру? Поэтому не спешат с полицией? Тусклый свет фонарей помогает разглядеть биты, которой играет один из них. Готовились, видимо, к поездке.
Не люблю биты.
Черт.
Что ж, работаем.
Я выхожу на улицу и первым делом стучусь в окно к Ирэне, показывая, что на месте. Она тут же выскакивает, крепко обнимает за шею и... рыдает.
Мы не настолько близки.
Я вижу ее третий раз в жизни.
Женщины. Ладно. Хлопаю по плечу.
– Тише-тише. Все хорошо. Я нашел Аркадия Игоревича, он жив-здоров.
– Как я вас ждала! Как ждала!
Итак. Из повреждений – снесена фара, помято крыло. У гелика небольшая вмятина на бампере. Ерунда. Получается, все пошли на принцип.
О капот моей машины ударяется пластиковая бутылка. Ирэна вскрикивает, сам тоже напрягаюсь.
Трое парней устремляются к нам.
– Ирэна, в машину. Живо.

Дважды просить не приходится: дверь ауди хлопает. «Жертвы» ДТП постоянно переглядываются, подбадривая друг друга, как небольшая стая шакалов. А потом начинают орать наперебой, сыпать угрозами и оскорблениями.

Двое здоровые, почти качки. Третий – тощий, хилый. Наверное, владелец машины, иначе зачем он им?

– Добрый вечер, ребята. Ко мне можно обращаться Савелий Андреевич, я адвокат той юной леди. Кто из вас собственник гелика?

– Они обе убитые в хлам были! Готовь кэш, дядя-адвокат. Попали вы! – выкрикивает спортсмен номер один.

Второй кивает.

Обе? Подружка еще была? Ирэна ничего не сказала. Интересно почему?

– Сейчас будем договариваться.

– Договариваться? Мы вас размажем, адвокат! Бабки! Налом! Сейчас!

Один из парней начинает махать битой, очевидно угрожая физической расправой. Правая рука, моя любимая, неприятно пульсирует.

Держали силой двое. Удар битой. Боль.

Воспоминания сжимают руку колючей проволокой.

Операционный стол. Дурно. Густой запах нашатыря.

Но я продолжаю стоять ровно. Напряжение максимальное, времени все меньше.

Можно было бы подробно поговорить о жизни, о статье за телесные и о том, что будет в тюрьме и как сложится. Папа с мамой машину купили, абонемент в зал оплатили, а будущее с сыном обсудить не успели. А его может и не быть.

Видно, что из приличных семей. Лощеные.

Я бросаю взгляд на часы. Если менты окажутся расторопными и успеют завести дело на Аркадия, пресс-релиз в понедельник превратится в публичную казнь.

Порыв осеннего ветра заставляет поежиться. Врубается сигнализация, и молодежь у подъезда кидается врассыпную. Какая-то женщина кричит ей вслед проклятия.

Мне хочется накинуть пальто, но вместо этого я расстегиваю пиджак, мельком демонстрируя кобуру.

К делу.

– Я повторяю вопрос: кто собственник гелика? – Тянусь к кобуре.

– Эй, мужик!

Все трое поднимают ладони. Тот, что с битой, опускает ее на асфальт.

– погоди! Давай начнем сначала!

– Савелий... как вас?

– Андреевич. Так. Пацаны, у меня нет времени на прелюдию. Тачка бесхозная? Я себе забираю тогда?

– Ну я, – выкрикивает тощий. – Папа мой. А что?

– Тогда ты идешь на хрен, – показываю я пальцем на одного качка. – И ты идешь на хрен, – показываю на второго. – С моих глаз оба пропали живо. А с тобой мы сейчас поговорим наедине. Обсудим моральный ущерб, причиненный моей клиентке вашей тупостью.

Парни из госавтоинспекции прибывают на место ДТП через четверть часа и застают нас за мирными переговорами. Вскоре к нам присоединяется Игорь с бутылкой воды. Мы все, включая мажора, делаем вид, что именно Игорь был за рулем и отлучился после аварии за водой для бедной девочки. Он трезв как стекло, общителен и добродушен. Он нравится абсолютно всем людям, я забрал его с юга, и мы прекрасно вместе работаем.

Небольшое столкновение, жертв нет.

Претензий ни одна сторона не имеет, поэтому оформляемся и расходимся. Игорь везет притихшую Ирэну домой, а я спустя час уже захожу в ОВД со стаканом дрянного кофе, купленного на заправке. И готовлюсь к новой ситуации.

* * *

В половину восьмого утра я паркую машину у дома Вешневцового. Всю дорогу мы обсуждали, что драка в баре была спровоцирована не просто так и что стриптизерши – это последнее, куда нам следует вкладываться в данный момент. Даже если «просто посмотреть». Война началась, и нужно быть осторожнее: слишком уж опасный соперник.

Уставшая Ирэна радушно встречает нас на пороге дома. В прихожей светло, чисто, приятно пахнет свежим кофе. Пушистая белая кошка с ошейником в арбузах усаживается у моих ног. Едва я опускаюсь на корточки и чешу ей спину, кошка начинает выгибаться и мурчать. Какая у нее прекрасная тихая жизнь.

– Ты сытая, да? Вот это пузо.

– Ее зовут Баунти, – говорит Ирэна с милой улыбкой. – Я взяла ее в приюте. Баунти сильно болела, мы ее вылечили.

– Сейчас она выглядит превосходно. Как Аркадий Игоревич?

– Спит. Упал на кровать и вырубился, я кое-как сняла с него ботинки и пиджак. Какая тяжелая ночь.

Не то слово. Я смотрю на часы – уже почти восемь.

– Ирэна, у меня к вам неожиданная просьба. Вы можете пустить меня в гостевую ванную буквально на десять минут? Через час у меня важная встреча, и я не успеваю заехать домой и привести себя в порядок.

Глава 14

Гостевая ванная в этом доме размером с квартиру, в которой я вырос, и самую малость смахивает на фойе театра.

Запасной комплект одежды у меня с собой. Быстро принимаю горячий душ. Следом – прохладный. И совсем холодный. Где-то здесь и спортзал должен быть, хорошо бы полчаса позаниматься-взбодриться, но времени нет. Я пользуюсь одноразовым станком, чтобы привести лицо в более-менее приличный вид.

Ладно. Скорее всего, помощник судьи Яхонтова допоздна перечитывала Конституцию и сейчас дрыхнет с ней же в обнимку, пока я тут прихорашиваюсь.

Так даже лучше.

Проверю, что угол у аптеки пуст, и домой спать.

В полной тишине замок двери едва слышно щелкает. Я уже знаю, кого увижу, поэтому практически не удивляюсь.

Ирэна пару вдохов мнется на пороге, пока в ванную не влетает Баунти с оттопыренным хвостом. После кошки заходит и ее хозяйка. Я уже в штанах, поэтому не дергаюсь. Спокойно снимаю черную футболку с вешалки, натягиваю.

– Я закончил, спасибо, что пустили.

Ноль вопросов вслух, какого дьявола она тут делает. Сознательно не развиваем тему. Не провоцируем ответы. Оставляем пути отхода открытыми.

– Да что вы такое говорите! – всплескивает руками Ирэна и подходит ближе. Она босая и двигается бесшумно. Говорит тоже полупшепотом, на октаву ниже, чем ранее: – Мне так жаль, что мы испортили вам выходные. Простите. Могу я предложить вам завтрак? Или... что-нибудь еще?

Я старательно избегаю смотреть на нее или на ее отражение в зеркале. Прямой взгляд мужчины на женщину вне рабочей ситуации можно принять за агрессию. Где агрессия, там и секс.

– Спасибо, но я правда спешу.

Вешневейская, бесспорно, хороша собой. Пеньюар красиво струится по бледной коже, черные распущенные волосы небрежно рассыпались по плечам.

– Я была буквально парализована ужасом. Понятия не имею, что эти три подонка могли со мной сделать... А потом появились вы.

Нагнетает.

– С вами была еще одна девушка. Кто она? Можете не говорить, если не хотите.

– О! Вы в курсе? Как?.. Впрочем, так даже лучше. Это очень глупо, вы решите, что мы сумасшедшие.

– Не в моих правилах судить людей. Я всего лишь прикидываю, может ли от нее в будущем исходить угроза.

– Это Вера. Дочка Аркадия от первого брака. Она недавно получила права и не справилась с управлением. Те парни нас подрезали, она растерялась, бедняжка. Вера иногда берет эту машину, ей еще не купили ее собственную, и она рада любой возможности погонять... Поверьте, она просто забрала меня с девичника. Я не планировала садиться за руль, честное слово. Мы подумали, это хорошая идея. Вы, наверное, считаете, что мы богатые придурки, да?

– Она была трезвой?

– Конечно!

– Почему тогда сбежала?

– У девочки непростые отношения с матерью. Понимаете, мы неплохо ладим, но мама Веры считает предательством тот факт, что мы не ненавидим друг друга. – Ирэна вздыхает. –

У Аркадия сложный период. Он с самого начала этого проекта не в себе. Психует, срывается на мне и детях. Вчера я просто немного расслабилась. Уже тысячу раз пожалела! Но кто бы мог подумать? Лучше бы я взяла такси.

– Будучи в состоянии опьянения, взять на себя вину в ДТП было более хорошей идеей, нежели посорить Веру с мамой?

– Вы не знаете ее мать.

– Вы правы, не знаю.

– Ольга Ивановна, олива, «ОливСтрой», – горько усмехается Ирэна. – Она считает, раз фирма названа в ее честь, то и принадлежит ей. Я так устала, Савелий Андреевич. Так чудовищно устала от напряжения! А от вас веет надежностью. И это манит сильнее любого магнита.

Я смотрю в мраморную плитку, пока надеваю носки. Как я-то, черт возьми, устал держать лицо.

– А девочку восемнадцатилетнюю вы одну в машине бы не оставили.

– С этими идиотами? Ни за что. Аркадий не отвечал. Я отправила ее на такси и позвонила вам.

Ирэна делает шаг ближе и касается моего плеча. Ведет рукой.

– Я думала, мне конец.

– Перестаньте, пожалуйста, – говорю спокойно.

– Простите... вас это смущает или вам не нравится?

– Это правда лишнее.

– Простите! – Вешневская вспыхивает, отшатнувшись. А потом взрывается горькими рыданиями: – Я хочу надежности! Это разве так много? Чтобы мой муж, когда я в беде, срывался на помощь, а не пихал стриптизершам деньги в трусы! Хотя бы десять минут побыть в крепких руках. Почувствовать силу. Хотя бы... пожалуйста...

Я смотрю в пол, туда же падает ее пенюар.

– Я едва держусь, видите? Он проснется утром и будет на меня орать!

– Ирэна, в понедельник Игорь отгонит вашу машину в сервис, я думаю, и следа не останется. Вашему мужу не за что на вас орать. И помните: да, у Аркадия Игоревича сложный, нервный процесс, но любой процесс, каким бы долгим он ни был, не бесконечный. Сейчас вашему мужу нужна поддержка, как никогда раньше. И в итоге вам за нее воздастся. Пообещайте мне, что будете осторожны.

– Л-ладно. Если вы просите, я обещаю.

Взяв вещи, я покидаю ванную, так ни разу и не взглянув на Вешневскую, дабы не оскорбить. Я ничего не видел. Отказываться, когда увидел, – это оскорбление.

Плоскомордая Баунти провожает до самого порога, смотрит вслед своими жутковатыми, навывкате глазами.

Ссориться с женами доверителей – плохо. Обычно это вредит работе. Лучше бы они все были верными, а не красивыми.

Но как же задолбала грязь.

Всюду грязь.

Опустошение.

И сам я в ней по уши.

Настроение паршивое, я курю две подряд, пока голова не начинает кружиться. Выжимаю из тачки все соки и психую сам на себя за этот дурацкий крюк до Яхонтовой.

Чистоплотная девочка из интеллигентной семьи. Не удивлюсь, если до сих пор девственница. Ну или спала исключительно с любимым на кровати среди лепестков роз. В моей школе таких было аж две, они ходили с охраной, пока не переехали вместе с родителями в другой район.

С охраной в том числе от таких беспризорников, как мы с Алтаем.

В универе я легко общался с элитой, но всегда давали понять, что у каждой дружбы есть границы.

Может, Яхонтова потому и цепляет меня так сильно, что раньше я как бы был недостойн с такой общения. И несмотря на годы и годы моего каторжного труда и вагон достижений, ничего не изменилось. Александра всем своим видом постоянно это показывает.

Достоинство у нее врожденное, как цвет глаз или разрез рта. Она тоже элита. Психически здоровые дети психически здоровых, дружных родителей. Счастливые семьи. Подарки под елкой в Новый год, свечки на торте в день рождения. Причем их количество соответствует количеству лет именинника. Эти люди в науке, в судебной системе, они в медицине, в финансах и в образовании. На таких семьях страна держится.

Личное превосходство Александры естественно, как воздух, и оттого не должно раздражать. Но меня раздражает. Видимо, все еще живы какие-то триггеры.

Светофор долгий, я стою на нем девяносто секунд. Барабаню пальцами по рулю.

Опаздываю. Если она и приходила, то уже точно ушла. Такие цацы больше минуты не ждут, а я опаздываю на восемь.

Не вышло приехать раньше, хотя по пути нахватал кучу штрафов за превышение. Не мог предупредить о том, что задерживаюсь.

Впрочем, это все неважно. Мне бы домой да обдумать, что делать с этой дракой в баре и подкатом Ирэны.

Абсолютно уверенный, что возле аптеки никого нет, я выжимаю педаль газа. А когда заворачиваю за угол, вижу Александру.

По тормозам!

Она одета в кукольный розовый спортивный костюм. Темные очки закрывают глаза. Идеальная осанка, волосы собраны в тугий хвост. Александра даже когда ждет мужчину, полна достоинства.

Она смотрит в мобильник, и я понимаю, что стоило купить букет. Даже взгляд бросаю на заднее сиденье, будто он мог бы там внезапно появиться силой мысли.

Букет не появляется.

Машина со шлейфом останавливается аккуратно напротив Александры, и я выхожу на улицу.

Увидев меня, она искренне улыбается. Буквально расцветает. А у меня слова застывают на языке. Что несказанная редкость. Поэтому, обойдя капот, просто открываю ей дверь.

– Ух ты, как галантно, – хвалит Александра звонко. Прежде чем сесть в машину, ненадолго задерживается рядом. Медлит. Поднимает глаза, и мы смотрим друг на друга в упор. – Вы всегда такой джентльмен или только по воскресеньям?

– Простите за опоздание, Александра Дмитриевна. Оно непростительно, и я полностью раздавлен.

Она моргает, чуть смутившись.

– У вас мокрые волосы? – Она действительно касается моих волос, проверяя. Пробегается по затылку пальцами, и волна холода разливается по шее и спине.

Александра ведет себя запросто, словно каждый день мы только и делаем, что трогаем друг друга.

Я чуть отшатываюсь, просто потому что нервный после ночи, не ожидал. Она сразу отдергивает руку, и я удерживаюсь от того, чтобы поймать ее ладонь и положить обратно.

– Я же говорю, спешил.

– Вас ведь продует! Садитесь в машину скорее!

Она сама быстро юркает в салон.

Я снова обхожу капот и занимаю водительское кресло. Александра уже пристегнута. Руки на коленях. Поза напряженная. Можно начинать заседание.

Усмехаюсь. Машина трогается.

– Проспали? Или... – Александра вдруг прижимает ладонь ко рту. – Савелий, а вы вообще спали сегодня? – На ее лице отражается догадка, и уголки губ по-детски опускаются: – Только не говорите, что это все роллы!

Глава 15

Александра

Странно чувствовать себя настолько розовой, словно фламинго или... ну, будем честны, – поросенок. Но Люба, а это ее спортивный костюм, уверила, что мне идет. Прошлым вечером оказалось, что надеть на природу совершенно нечего, и я, посыпая голову пеплом, позвонила золовке.

Я в машине Савелия, и один этот факт вызывает море переживаний. Ду-ше-раз-ди-ра-лю-щих. Изю всех сил стараюсь этого не показывать.

Но боже мой, какой он потрясающий в этой черной футболке и светлых свободных штанах! Повседневная одежда немного развеяла дьявольский флер и снизила градус охватившего меня торжественного ужаса, хотя Савелий... по-прежнему высоченный, как башня, и оттого очень значительный.

Пристегиваюсь.

Он усаживается за руль. Моя ладонь, которой я трогала его волосы, немного горит. Савелий устало трет лицо, и я первой нарушаю молчание, спросив, спал ли он сегодня.

Следом на меня обрушивается понимание: он же спешил на свидание с «котенком». И клубок фантазии уже не остановить. Разумеется, они занимались сексом, Савелий не в том возрасте, чтобы за ручку держаться. Но ранит даже не это.

Ему было настолько весело, прекрасно и замечательно, что они с «котенком» не спали целую ночь. Это уже заявочка на серьезные отношения, родство душ и все такое. Я представляю себе романтическую прогулку на кораблике, обнимашки под пледом, зажигательные танцы под фонарем, как из рекламы по телику. Смотрю на Савелия... Сомнительно, конечно, но...

Но мои комплексы мгновенно, словно из огромного шприца, впрыскивают в кровь стыд.

Потому что я скучная.

Тухлая серая мышь.

В западне.

Если я выйду из машины, мне придется вернуться домой и признаться, что очередное свидание сорвалось, выслушать унижительные слова утешения от близких. Когда Савелий опаздывал, я, честно говоря, была в отчаянии. Думала даже поехать в какой-нибудь торговый центр и отсидеться там.

Восклицаю с упреком:

– Только не говорите, что это все роллы!

Он хрипло смеется:

– Вы меня ревнуете, Александра?

Надо остаться в этой чертовой машине и прекрасно провести чертово воскресенье. Чего бы это ни стоило. Одно дело – надеть пороссячьего цвета костюм, другое – быть выставленной в нем из тачки посреди города.

Я вытягиваю ноги.

– Если вы любитель бега на столь... хм, длинные дистанции, то я, пожалуй, пас. Слишком много работаю, чтобы так напрягаться, – неловко смеюсь.

– Я любитель самого разного бега, мы можем обсудить это в подробностях. И, если вам так интересно, я провел эту ночь в ОВД. – Савелий называет район.

Радостно к нему поворачиваюсь:

– А вот это вполне по мне.

На самом деле я беспокоюсь, – у него явно что-то стряслось, и он непроизвольно хмурится, – но вида стараюсь не показывать. Наверное, на заботу о Савелии права я не имею. Он мне просто не поверит.

– В качестве... кого, Савелий Андреевич?

– Одна небезызвестная организация постаралась спровоцировать скандал вокруг доброго имени моего доверителя.

– Вешневцецкого, что ли? Или у вас есть кто-то с еще более «добрым» именем?

Он надевает темные очки и усмехается:

– Будем сплетничать?

– А давайте.

– Тогда вернемся к бегу. Что там насчет ваших любимых дистанций? Ехать долго, я с удовольствием послушаю.

Пресек, но тактично, переведя тему на меня.

– Насколько долго? Может, вы хотите позавтракать?

– Я ни за что не остановлю эту машину в пределах города из опасения, что вы выпрыгнете и сбежите, – говорит Савелий буднично, но при этом продолжает хмуриться, и в итоге его слова звучат довольно жестко.

Предполагается, очевидно, что я воспротивлюсь давлению. Но я вместо этого ощущаю себя очень польщенной. А еще... взволнованной, как часто бывает рядом с ним. Закидываю ногу на ногу и улыбаюсь.

– Расслабьтесь, – произношу, напротив, предельно мягко. – Если вы провели ночь в ОВД, то я – глядя в потолок и качаясь на этических качелях. Сев в эту машину, я уже нарушила почти все свои принципы: не встречаться ни с кем из участников процесса вне стен суда, не обсуждать с представителем стороны по делу вопросы, не касающиеся работы. И уж точно не флиртовать с ним.

Зря сказала про флирт.

Флирт как флирт, всем флиртам флирт. Без отношений десять лет.

Исхаков посмеется.

– Мы никому ничего плохого не делаем, – говорит он спокойно, обнадеживающе.

– И не будем?

– И не будем.

Мы останавливаемся на долгом светофоре, и Савелий берет меня за руку. Отдать мне должное, я не вздрагиваю, как пятнадцатилетка на первом свидании, и даже не заливаюсь краской. Лишь наслаждаюсь тем, как по коже разливается трепет.

– Это чтобы вы не сбежали, Александра. Для надежности.

Он поглаживает мою ладонь.

– Я просто боюсь, что нас кто-то узнает. Вот и все.

– Они глазам своим не поверят, – усмехается Савелий. – Расскажите лучше, где вы взяли этот чудовищный спортивный костюм?

Смеюсь.

– У жены брата. Вам не нравится? Она сказала, это модно.

– Вы очень модно выглядите.

– Seriously?

– Я давно не встречал настолько модных людей.

И я хохочу!

Следующий час пролетает так быстро, словно кто-то усиленно крутит стрелки часов. На каждом светофоре Савелий берет меня за руку. На третьем я привыкаю и слегка сжимаю его ладонь в ответ. А на четвертом – сама протягиваю руку, за что получаю одобрительный серьезный кивок.

Мы вырुливаем из города и несемся по трассе. Савелий включает ремиксы незнакомого, но очень классного диджея. И я, расслабившись еще больше, едва не начинаю пританцовывать! Солнце мягко греет, редкие перистые облака раскрашивают голубое небо. Вокруг нас, по обочинам черного полотна дороги, покрытые то зеленью, то золотом высоченные деревья. Как же красиво в начале осени!

Я и не замечала. Так много работала, что сейчас получаю искреннее наслаждение от всего, что вижу. Улыбаюсь. Просто так, потому что хорошо, спокойно и одновременно все чувства обострены.

Вот как так рядом с Савелием получается? Что нельзя же, что это плохо, он везет меня в неизвестное место, а я почти счастлива.

Разумеется, все понимаю. Неформальная одежда и улыбочки ничего не значат. Рядом со мной Адвокат дьявола, а не любовь на всю жизнь, не будущие серьезные отношения и уж точно не шанс родить ребеночка. Скорее всего, Савелий попытается через меня подобраться к Савенко и прямо сейчас размышляет, как сделать это деликатно. Что ж. Других вариантов все равно нет. Больше никто не захотел свозить «умницу Сашу» за город. Да и, будем предельно честны, этот мужчина – магнит притягательный.

Я десять лет положила на эту работу.

Я хочу сделать что-то настоящее и получить эмоции!

Улыбаюсь Савелию – он опускает очки и подмигивает. Чем дальше от города, тем меньше мы адвокат и помощник судьи. Тем больше – просто люди.

Спустя час на трассе он наконец сворачивает к заправке.

Никогда здесь не была, но все они примерно одинаковые, поэтому мне комфортно. Хочется только отметить чистоту и внушительный выбор выпечки. Савелий оплачивает бензин, спрашивает, что я буду.

Он забавен. А еще он, кажется, невероятный эмпат, потому что за все два часа ни на одну секунду я не почувствовала себя неуютно или в опасности.

Мы пьем кофе и едим сэндвичи. Болтаем о поездках на машине и о том, кто сколько времени максимально проводил за рулем. Савелий побеждает с фанфарами.

Ему приходится отвлечься на телефонный звонок, а для этого – выйти из кафе. Когда возвращается, он изображает колоссальное облегчение, что я все еще здесь. Это смешно!

Я нервно жую мятную жвачку, возвращаясь к машине.

Всего его обсмотрела. Савелий так хорош собой, что я то и дело сбиваюсь с мысли.

Когда мы пристегиваемся, ему снова звонят, и, пока он разговаривает по телефону, я робко вкладываю свою ладонь в его.

Мы ведь стоим на месте.

Мало ли что?

Он забыл, что ли, что я могу убежать?

Савелий не отказывается. Напротив, машинально сжимает мою руку, рождая импульс. Он обсуждает неизвестное мне уголовное дело, хмурясь еще сильнее. В какой-то момент так же машинально подносит ее к губам и целует запястье.

Эмоции пронзают сердце. Обаянием Савелия словно паутиной окутывает.

Он все это, конечно же, чувствует. И, закончив разговор, поворачивается ко мне.

Тишина такая на парковке у этой заправки.

Между нами запрет – работа. Ответственная, сложная, важная. Мы даже не по разные стороны баррикад: я, как представитель судебной власти, над баррикадами. Сцены предыдущих встреч проносятся калейдоскопом. Дистанция.

Дистанция.

Дистанция.

Мои категоричные ответы, жесткие взгляды. Мое имя, которое заработано с таким трудом. Моя мечта стать неподкупной судьей.

Я сижу в машине с самым продажным адвокатом на свете. Ощущаю уязвимость и унижение, но при этом на душе очень легко.

У всех есть предел, после которого ставится все равно. Я свой, видимо, перешагнула.

Савелий рассматривает меня. Опускаю глаза, потому что просто не могу иначе. Я так давно не была на настоящем свидании, так давно не ощущала себя женщиной, что робею как подросток. Но не жаловаться же ему на это?

Девушкам тяжело в суде. Мы попадаем в систему еще совсем юными, и приходится за короткий срок становиться жестче мужчин, чтобы те нас уважали. Я стала такой жесткой, что не понимаю, как обратно вернуться. А вернуться хочется.

Хотя бы на крошечный шажочек.

Я просто не вывожу больше. Я не вывожу!

Мое сердце как будто в три раза увеличивается, растерянность колет кончики пальцев. Савелий отстегивается и тянется ко мне.

Вот теперь я вздрагиваю, когда он прижимается щекой к моей щеке. Но не отшатываюсь. Наоборот, льну сама, и он делает вдох.

Прикосновение губ можно назвать осторожным.

Савелий целует меня в щеку один раз, второй, места касания искрятся, и я закрываю глаза. Он не спешит, даже выжидает, и я отвечаю робким поцелуем. Это так смело, но и отказаться невыносимо! Он ведет носом по моей коже. Целует меня в подбородок, в уголок рта.

Искры уже всюду: на нас, на приборной панели, в воздухе. Савелий ласкает меня очень легко и неспешно, а они жгут. Всю меня терзают. Я так сильно нервничаю, ужасно боюсь сделать что-то неправильно. Боюсь продолжить, и еще больше – что все закончится.

Савелий чуть отстраняется. Его дыхание мятное, и у меня во рту скапливается слюна. Повинуясь порыву, веду пальцами по его лицу. Как он мне нравится. Как безумно нравится! Сейчас заплачу.

Я пытаюсь быть смелой. Надеюсь, он не чувствует себя так, будто его партнерше пятнадцать.

В следующую секунду Савелий льнет к губам, и мое сердце останавливается.

Сначала он пробует. Раздумывает, медлит или наслаждается, превращая момент в особенный. У меня внутри все в узел скручивается от этого выжидания, сомнений и страха перед будущим. Я жадно вдыхаю запах, а когда Савелий втягивает в себя мой, я загораюсь, осознавая, как много его во мне и меня в нем. Мы одновременно приоткрываем глаза, словно проверяя, что происходящее не сон. Сердце уже бахает от панической серьезности ситуации. И, словно согласившись с реальностью, мы начинаем увлеченно целоваться.

Язык Савелия тоже мятный, с каждым движением он раскрывает мне рот, чтобы коснуться моего, закрутить лаской. Это настолько приятно, легко и естественно, что неуверенность отступает. Поцелуй становится глубже. Быстрее. Он влажный, сочный. Терпение Савелия лопается, он притягивает меня к себе, и мы целуемся по-взрослому.

Кажется, даже имя свое забываю. Мы впадаем в ошеломляющую дикость, и поцелуи мгновенно перерастают в нечто большее. Я задыхаюсь, когда Савелий жадно зацеловывает мою шею, втягивает в себя кожу, скользит языком. Кайф от его грубоватых ласк искрится по всему телу.

Поцелуи достигают ключиц. Искры концентрируются внизу живота, они так сильно жгут, что приходится раздвинуть ноги и обнять Савелия крепче.

Неподалеку останавливается машина, хлопают двери. Детские крики действуют как сигнал «Стоп», и мы резко отшатываемся друг от друга. Я судорожно хватаю ртом воздух, тру влажную шею. Натягиваю капюшон на голову и съезжаю вниз по сиденью.

– Простите, – бормочу. – Я, видимо, спятила. Не принимайте на свой счет.

Наши глаза на миг встречаются. У Савелия они темные, какие-то особенно внимательные. Он абсолютно серьезен, а у меня почти тахикардия. Понятия не имею, о чем он думает, но кажется, игнорирует каждое мое слово.

– Александра, – для начала напоминает мне мое имя. Причем так его произносит, словно ласкает в интимном месте, и я закидываю ногу на ногу. – Я вот думаю: а на фига нам с вами это стрельбище?

Мои брови взлетают вверх.

Савелий продолжает:

– Я предлагаю...

– Да. Давайте, – перебиваю поспешно. – Я за.

Что бы это ни значило.

Он кивает. Машина трогается.

– Дайте мне две минуты. Я покажу одно место.

– Ваши любимые кусты у дороги?

Он слегка улыбается.

Мерс противно пищит, требуя, чтобы водитель пристегнулся, но Савелий с полминуты то ли не слышит, то ли игнорирует. А я так смущена и возбуждена, что не смею сделать ему замечание. Когда со мной такое было?

Вырулив на трассу, он наконец пристегивается. Одновременно выжимает газ, и машина ускоряется. Деревья мелькают по обочинам, а потом и вовсе сливаются в сплошной фон.

Мы явно превышаем. Мы превышаем на лишение. И я улыбаюсь! Мое сердце колотится так, что в ушах шумит. Вкус Савелия у меня во рту.

А еще жвачки словно стало больше.

– Она у вас или я ее проглотил? – спрашивает он, словно читая мысли.

Это все, что он сказал мне за это время.

Я аккуратно убираю жвачку в салфетку.

– Украла, видимо. Сорри.

– Будете должны.

Через несколько минут мы сворачиваем в сторону густой рощи. Указателя нет, и дорогая пустая. Едем по гравийке, пока слева не появляются, словно из воздуха, кирпичный забор и трехэтажные домики гостиничного комплекса. Вдали звучат выстрелы.

– Там дальше поле и частное стрельбище, не переживайте. Тут безопасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.